

Николай Арсеньев

О ДОСТОЕВСКОМ

четыре очерка

Издательство "Жизнь с Богом"

Foyer Oriental Chrétien

Avenue de la Couronne 206

1050 Bruxelles — Belgique

1972

Николай Арсеньев

О ДОСТОЕВСКОМ

четыре очерка

Издательство "Жизнь с Богом"

Foyer Oriental Chrétien

Avenue de la Couronne 206

1050 Bruxelles – Belgique

1972

© Все права сохранены за издательством

Dépôt légal 1972-0362-1. Imprimé en Belgique.

ОТ АВТОРА

Эти четыре очерка, написанные (или прочтенные как лекции) в течение довольно краткого промежутка времени (см. *Возрождение* — январь, июнь и октябрь 1971 г. — и *Вестник РСХД* № 2, 1971 г.), не являются последовательными главами одной книги, но тем не менее восполняют друг друга. Исходя из одного центра — одной центральной темы, они останавливаются на разных аспектах мирозерцания и творчества Достоевского. Четвертый очерк поставлен в конце, так как еще раз, в самой сконцентрированной форме, останавливается на центральной теме.

Николай Арсеньев

18 января 1972 г.

Духовные основы творчества Достоевского

(Страдания и сострадание. Прорыв Божий. Одержимость и преображение. Судьбы народа).

1

Абстрактно-трафаретные представления о Достоевском, с некоторой исключительностью подчеркивающие почти лишь одну бурную и буйно-хаотическую сторону его творения и его личности *) — эти представления, во многом, конечно, опирающиеся на истину, в значительной степени, однако, если не исчезают, то самым радикальным образом видоизменяются или преображаются, если мы ближе подойдем к повседневному — и вместе с тем интимному (иногда до глубины интимному) образу Достоевского, как он запечатлен в его замечательных по живости и непосредственности письмах **) и в воспоминаниях близко его знавших (и любивших и понимавших его) людей, не говоря уже о величайших его творениях. «Достоевский и простые люди», «Достоевский и молодежь» ***), «Достоевский и читатели «Дневника Писателя» — такие и сходные темы естественно вырастают, напр., из изучения того непосредственного контакта, который он имел (особенно в его последние годы) с рядом своих современников, — контакта, отчасти запечатленного для потомства. Есть, напр., одна тема, которая всё время выступает и из писем Достоевского, и из воспоминаний о нем близких лиц (как она, впрочем, находит очень явственное выражение и в его произведениях — напр., в «Дневнике Писателя», в «Подростке», особенно в «Братьях Карамазовых»), на которую, странным образом, недостаточно обращено внимания; это — его стремление к «благообразию», к «благолепию» духовному, к духовной трезвости и простоте. Это, более того, — одна из неотъемлемых черт его духовного облика, наряду с возбужденностью и любовью — казалось бы, даже предпочтением — к изображе-

*) Такие воззрения были отчасти распространены среди некоторых писателей, связанных с настроениями русского символизма.

**) Особенно думаю, напр., о письмах 4-го тома собрания его писем, охватывающих 1878-1880 годы.

***) См. об этом, напр., мою статью в «Записках Русской Академической Группы в США», том 5-ый.

нию неуравновешенно-истерических переживаний и характеров. Сложность и богатство контрастов и болезненная заостренность в ощущениях и в чертах характера его героев всегда бросались в глаза и общеизвестны. Но была склонность эту несомненную, может быть, даже особенно ярко бросающуюся в глаза черту истеричности его героев абсолютизировать и отнести ко всему творчеству и более того, ко всему внутреннему миру самого Достоевского. Между тем, и во внутренней его жизни, и в его творчестве были некоторые доминанты, которые ничего общего с «истерией» или болезненной неуравновешенностью не имеют. Или, вернее, болезненная до мучительности заостренность его переживаний и тем (поданных с таким мастерством и диалога и рассказа и всей композиции) требовала и находила себе в его духовном опыте противоположные и умиряющие, преодолевающие и преобразующие их силы. Отсюда объясняется эта столь знакомая нам сложность (и глубина!) столь контрастирующая, казалось бы, черты его облика, каким рисуют нам близко его знавшие и понявшие его — и полюбившие его — лица, с какими он встает перед нами из самых интимных и душевных высказываний его творчества. Прибавим к этому и физическую болезненность и весь груз и бремя всего им пережитого (из которого он, однако, почерпал так много истинного знания человека и глубокой мудрости жизненной) — всё это образовало некий «футляр», некую внешнюю замученность и измученность. Особенно истоюще действовало на него его творчество, в которое он вложил свои лучшие силы и которое брало столько сил! Усталый, измученный человек. И все это просветлялось и оживлялось вспыхивающими неожиданно искрами огромной и живой доброты и участия к людям.

Итак, угловатый, угрюмый, иногда даже тяжелый в общении, раздражительный, взволнованный и вместе с тем — нежный, добрый, пылающий, горячий сердцем, полный бесконечного сострадания — таков Достоевский. И еще: «жестокый» в свих писаниях, хотящий заставить нас страдать, чтобы и мы страдали и сострадали и пытались утишить страдания тех, кого он изображает, или хотя бы только пожалели их (ибо этим нечто дается и им, и нам самим).

И тут мы подошли к чему-то решающему и центральному в этой видимой сложности — к некоей основной вдохновляющей стихии, и как всё это, может быть, странно, но подлинно! И как может Достоевский написать такие слова в одном (особенно им любимом) из своих произведений: «Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бы-

тия человеческого»? *) Это — мысль героя, но видно, что и самого Достоевского. Что это значит? Не совпадает ли это с тем впечатлением, которое вынесла на первой же встрече с ним его скромная «сотрудница» — корректорша типографии, где печатался «Дневник Писателя», — оставившая самые, может быть, замечательные по яркости, проникновенности и глубине записки о своих встречах с Достоевским:

«Кто знает, — пишет она, — может быть, именно он вывел нас всех из нормы и до того пронизал нам душу любовной жалостью, состраданием ко всему страдающему, что нам... всё больное, забытое и приниженное стало близко и родственно, как свое!» **)

Этимися словами — и самого Достоевского, передающего мысли одного из любимых своих героев, и его корректорши о нем самом — подкрепленными со всех сторон, мы вводимся в самую глубь, в самый центр призвания и служения и внутренней жизни Достоевского. Жестокими картинами своих романов и повестей он теребит нас, он мучит нас... чтобы и мы страдали. В этом тереблении, тревожении нас страданиями других — его призвание и его великое служение. Ибо (меняя несколько слова Достоевского в «Идиоте») в этом сострадании — норма (слова Достоевского: «единственный, может быть, закон») бытия человеческого.

Сразу встали перед нами оба полюса жизни Достоевского: угловатость, угрюмость, болезненная раздражительность (но ведь он был больной человек) и — более того, всякие недостатки, ошибки, временные падения в жизни, и — захваченность вот этим основным содержанием, этим свидетельством, основной проповедью, которая есть дело его жизни. Он служит, он призван служить и не только своему таланту, своему творчеству, но более того — Истине, жизненной Истине, которая дает смысл жизни и из которой оплодотворяется творчество и рождается жизнь, Истине, которая вдохновляет и покоряет себе и его творчество и *просветляет страдания*.

*) См. «Идиот», часть II, глава 5.

**) В. А. Тимофеева (О. Починковская): «Год работы с знаменитым писателем» («Исторический Вестник», февраль 1904 г., стр. 488-542; перепечатано в сборнике «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», том II, стр. 122-185) (изд. «Художественная литература», 1964 г.). Об «Очерках прошлого» Тимофеевой (вышедших в приложении к журналу «Неделя» — «Книжная Неделя», 1900 г., с № 4 по № 12) Л. Н. Толстой пишет: «Это одно из тех истинно художественных произведений, которые открывают в том, что давно видишь, новые, невиданные и прекрасные дали» (Полное собрание сочинений, т. 72, стр. 462).

Но раньше остановимся на этом обуревающем душу Достоевского море страданий. Оно вполне реально. Оно настолько остро и захватывающе жизненно изображено, что более чувствительные, юные еще души, по прочтении в первый раз «Преступления и Наказания», чувствовали себя в течение ряда дней как бы больными, как бы частью этого болезненного мира скорби, иступленности, преступлений и угрызений и мук совести — так необыкновенно реально это представлено. Это — не «сюжет». Это — вторгающаяся в душу реальная действительность темного ужаса, разврата и преступления. Действительность, сделавшаяся, например, теперь особенно осязательной через тюремный гнет большевизма, под который попал целый народ, и более того — целые народы, и через систематическое развращение и попытки духовного убийства, совершающегося в гигантских размерах над целыми народами. Теперь царство Лжи, Зла и Страдания придвинулось еще более вплотную, соединилось еще с ужасом духовного насилия над человеком. Теперь море зла и страдания, нарисованное Достоевским, стало еще более реально, еще ближе к действительности. Тогда, когда он писал «Преступление и Наказание» или «Бесы», это было всё — правда, но может быть, несколько сконденсированная правда. Теперь в Советской России реальность зла и насилия и лжи духовной достигли таких размеров, что эта реальность зла не уступает в окружающей жизни конденсации зла в романах Достоевского. И становится теперь особенно ясно: ответ на эту реальность не может быть схемой. Схема, теория — самая почтенная и благоговейная — бессильна перед жизненной реальностью зла. Ответ может дать только Реальность, только победная, захватывающая Реальность — не благочестивые мечты и самоутешения, а то Иное, что вырастает в самых страданиях, среди насилия и зла и смерти и побеждает их, исцеляя душу. И об этом — особенно об этом — с неподражаемой силой свидетельствовал Достоевский.

Пророки — не только те, кто видит будущее. Пророки и те, которые видят самые корни, переплетающиеся корни, и глубины, и задние фоны и глубинной, казалось бы, бессмыслицы, и конечного смысла бытия. Те, которые видят пропасть (а мы, шагающие по самому краю ее, часто не видим ее) и ужас пропасти и падения. Это теперь очень многие стали видеть — такие, например, писатели, как Камю и Хемингвей,

да и мы вообще, когда задумаемся над очередной газетой, и вдруг предстанет перед нашими глазами картина так легко теперь — человеческими руками — осуществимой мировой катастрофы. Но особенно судорожно-заостренно, бешенно-взвинченно захвачены этим кризисом представители той полу-взбеленившейся, неистовой части молодежи, что потеряла веру в жизнь, и всякий смысл и внутренние препоны жизни, и жаждет только отдаться стихийному, стадному началу, или — что еще хуже — сознательно поклониться Хаосу (последнее, к счастью, относится только к далеко не такой уже большей части молодежи). Всё это неимоверно ярко и конкретно видел и предвидел Достоевский (и запечатлел это, напр., в своих «Бесах» или в своем очерке «Влас» *). Но он видел не только исторические факты будущего (коренящиеся уже с современной ему жизни), но — гораздо более зорким, пронзительно зорким образом — и самые основные данные жизни вообще, и увидал — пропасть. И никакой внешний «прогресс» тут не поможет. Молодой самоубийца (см. «Письмо самоубийцы» в «Дневнике Писателя») не может наслаждаться жизнью в виду надвигающегося Ничто.

Достоевский увидел эту конечную пропасть с несравненной яркостью и чувствовал жажду преодоления ее, но он увидел и заполнение пропасти.

Никто и ничто не может ее заполнить, преодолеть и отменить ее, кроме безмерного божественного сострадания. Ибо есть Прорыв Оттуда. Иногда это неожиданно раскрывается нам у самого края «пропасти» (см. очерк «Влас» в «Дневнике Писателя»). Этот Прорыв есть самоотдание Вошедшего в наши страдания, страждущего вместе с нами, взявшего на Себя глубину страдания нашего, милосердного и прощающего нас Бога. Новозаветное откровение Бога, открывшееся до глубины и безмерности снисхождения «в лице Иисуса Христа» (II Кор. 4, 6) — вот ответ, полученный и Достоевским.

3

Внутренняя встреча, внутренних контакт в Божественным (то, что называют «мистическим опытом»), всё это корень и основа подлинной веры. Это так ясно из истории новозаветной проповеди. Первые ее носители говорили «о том, что мы видели и слышали и осязали руками своими», и это

*) «Дневник Писателя», 1873 г.

было : « Слово Жизни ». « Ибо Жизнь явилась нам, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам ту Вечную Жизнь, что была у Отца и теперь явилась нам » (1-ое Послание Иоанна, 1, 1-2). Здесь, в этих словах описан и представлен самый корень христианского благовестия : они видели... Вечную Жизнь. Вот это ощущение Превозмогающего Присутствия характерно для христианства, характерно вообще для мистического опыта. Весь христианский опыт, вся христианская проповедь, всё христианство построены на нем. Они еще не знают ясно, но уже чувствуют Присутствие Божественного, — неясно, но почти с самого начала. Они бросают всё — и сети и лодку (а сыны Зеведеевы — и отца своего, Зеведея, с работниками) и идут за Ним. Петр, пораженный чудом неимоверного улова, восклицает в лодке, « припавши к коленям Иисусовым » : « Господи, выйди от меня : я — грешный человек ». « Ибо страх (thambos) обуял его и всех бывших с ним » (Лук., 5, 8-9). Сотник восклицает : « Господи, я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи слово, и исцелится отрок мой » (Матф. 8,8). Мытарь Закхей принимает Его в дом свой со словами : « Господи, вот половину имущества своего я отдам нищим, а если я кого либо обидел, возвращаю четверо » (Лук. 19, 8). Это — внутренний переворот. Грешная жена обливает слезами Его ноги и обтирает своими волосами и целует Его ноги и мажет их драгоценным миром (Лук. 7, 37-38). Два ученика, к которым Он присоединился по дороге в Эммаус, сначала не узнавали Его, а узнали Его за трапезой в преломлении хлеба. « И открылись глаза их, и они увидели Его, и Он стал невидим для них. И они говорили друг другу : « Не горело ли сердце наше, когда Он объяснял нам Писание по дороге? » (Луки 24, 31-32). Исцеленный слепорожденный говорит Ему : « Верую, Господи », и поклонился Ему (Иоан., 9, 35-36).

У апостола Павла вся его внутренняя жизнь основана на этом, всю жизнь его пронизающем (после его обращения) опыте внутренней духовной « захваченности », « покоренности » его Владыкой и Господом : « Как и я захвачен, покорен (katelēmphthēn) Христом Иисусом » (Филип., 3, 12). « Любовь Христова объемлет (т. е. охватывает со всех сторон — synechei) нас » — пишет он во Втором Послании к Коринфянам, в поразительной 5-ой главе (5, 14); « Для меня жизнь — Христос, и сама смерть — приобретение » (Филип. 1, 21). « Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и при том Распятого » (1 Кор. 2, 2).

Вот этим чувством внутренней основной покоренно-

сти Христом жил и мятущийся, страстный, стремительный, долго искавший себе центр и внутреннюю базу успокоения Достоевский.

Это мистическое чувство захваченности непосредственной близостью Божественного « в лице Иисуса Христа » (срв. II Кор., 4, 6) окрашивает ряд мест в произведениях Достоевского. Так, в поразительном сне Версилова в « Подростке », в котором Достоевский высказал свои самые задушевные мысли, изображается будущее человечества. Побеждает безбожие. И под конец, мирным путем. Борьба религиозная, духовная, идеологическая прошла; страсти улеглись. Всё мирно. Но... человечество осиротело.

« Я представляю себе, мой милый, — начал он с задумчивой улыбкой, — что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков, настало затишье, и люди остались о д н и, как желали; великая прежняя идея оставила их; великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их, отходил, как то величавое зовущее солнце в картине Клода Лоррена, но это был уже как бы последний день человечества. И вдруг люди поняли, что они остались совсем о д н и, и разом почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить себе людей неблагодарными и оглупевшими. Осиротевшие люди тотчас же стали прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они составляют всё друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток любви к Тому, который и был Бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнюю любовью... Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это — всё, что у них остается... « Пусть — завтра последний день мой », думал бы каждый, смотря на заходящее солнце; « но всё равно, я умру, но останутся все они, а после них дети их », — и эта мысль, что они останутся, всё так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтоб затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. Они стали бы нежны друг к дру-

гу и не стыдились бы того, как теперь, и ласкали бы друг друга, как дети. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть... » *)

И вот на фоне этой оставленности, этой осиротелости происходит вдруг неожиданная встреча.

« ...Замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, « Христа на Балтийском **) море ». Я не мог обойтись без Него, не мог не вообразить Его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: « Как могли вы забыть Его? » И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался великий восторженный гимн нового и последнего воскресения » ***).

И таким же является образ милующего Христа, целующего Великого Инквизитора — и тем самым выражающего Свое прощение ему — и потрясающего его заостенелую на своих позициях, гордую, потерявшую веру (и жаждущую любви!) душу. Это — последний аргумент в длинном диалоге « Про и Контра » между верой и неверием: мистическая встреча. Бог Сам свидетельствует о Себе душе: Своим присутствием, « Прикосновением » духовным к ней, неожиданным прорывом — после мук сомнения, неверия и оставленности. Это Алеша пережил у гроба старца Зосимы в чутком сне — видении, который явился ответом на его душевную муку и сомнения. Это — брак в Кане Галилейской. И он слышит голос старца: « Видишь ли Солнце наше, видишь ли Его?... Не бойся Его. Страшен величием перед нами, ужасен в свете Своем, но милостив бесконечно ».

Эта глава, может быть, — верх творчества Достоевского и по существу автобиографична. Мы знаем, что одна из центральных тем его, которая *подробно* развита, может быть, только в образах Раскольников и Зосимы (и в очерке « Влас »), но к которой часто направлена его мысль: *обращение* падшего грешника — через *встречу* с Божественным. Такая встреча целого народа — русского народа, исцеленного от бесов, завладевших его душою, предносится умирающему Степану Трофимовичу. Он просит прочитать ему это место из Еванге-

*) Подросток, часть III, гл. 7.

**) Здесь маленькая неточность. Версиров цитирует стихотворение Гейне « Frieden » (« Мир ») из цикла « Nordsee », что значит Северное море, а не Балтийское (« Ostsee »).

***) Подросток, там же.

лия Луки, заканчивающееся словами : « И вышли видеть происшедшее и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом смысле, и ужаснулись... ».

« Друг мой, — продолжал Степан Трофимович в большом волнении — *savez-vous*, это чудесное и... необыкновенное место было мне всю жизнь камнем преткновения... Теперь же мне пришла одна мысль : видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!... Но великая мысль и великая воля осенит ее свыше, как того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, накопившаяся на поверхности... Но больной исцелится и « сядет у ног Иисусовых » ...и будут все глядеть с изумлением » *).

Встреча с Господом своим и Владыкой и предание себя Ему и служение Ему — вот внутренний стержень духовной жизни Достоевского после возвращения из каторги, и с годами это возрастает всё больше и больше, становится всё сознательнее, как некая радостная, всё побеждающая и жизнь просветляющая Реальность, высшее сокровище его души. Недаром в набросках к своим « Бесам » он пишет такие слова : « Дело в настоящем вопросе : можно ли веровать, будучи цивилизованным, т. е. европейцем, т. е. веровать без у с л о в н о в божественность Сына Божия Иисуса Христа (ибо вся вера только в этом и состоит) ». И далее : « Источник жизни и спасения от отчаяния всех людей и условие для бытия всего мира заключается в трех словах : « Слово плоть бысть » и вер в эти слова » *). Х р и с т о ц е н т р и ч н о с т ь или Х р и с т о у с т р е м л е н н о с т ь мирозерцания и религиозного опыта Достоевского, даже в периоды тяжелых сомнений или моральной ослабленности, несомненны. Недаром почти тотчас после выхода из « Мертвого Дома » он пишет в своем знаменитом письме к жене декабриста Фонвизина :

« Скажу вам, что в такие минуты жаждешь, как « трава иссохшая », веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастьи яснее истина. И скажу вам про себя, что я — ди-

*) « Бесы ». Часть III, глава 7-ая.

*) Материалы к « Бесам ».

тя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более у меня доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен: в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но — с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

(№ 61, февраль 1854 г.).

В этом письме мы имеем только видимость неверия. Он захвачен личностью Христа, «ревнивой любовью» ко Христу, Который ему дороже, чем противопоставляемая Ему «истина». Больше, чем «истина ученых»: здесь раскрывается ему реальность покоряющей Высшей Любви. Он ею покорен, хотя в этот момент только лишь полусознает это *). Есть какое-то внутреннее сродство между только что приведенными словами Достоевского, еще, казалось бы, полу-скептика, и этими словами апостола Павла — парадоксальными, но тем более свидетельствующими о том, что раз навсегда захватило и покорило его душу: «Мы проповедуем Христа распятого — для иудеев соблазн, для эллинов безумие, для самих же спасаемых — Христа, Божью силу и Божью премудрость». И еще: «Я решил ничего не знать, кроме Иисуса Христа, и при том распятого» (1 Кор., 1, 23-24; 2, 2.).

4

Но всё сказанное не исчерпывает основ религиозного мирозерцания, более того — религиозного опыта Достоевского. Он верит не только в освящение страдания, в близость Бога в страдании — он верит в победу Божию над грехом, рас-

*) В «Дневнике Писателя» за 1880 год Достоевский так вкратце (может быть, несколько односторонне и заостренно) изображает историю своего религиозного развития: «От народа я принял вновь в мою душу Христа, Которого узнал в родительском доме еще ребенком и Которого потерял было, когда преобразился было в европейского либерала» (1880 г. Август. Глава III).

тлением, страданием и смертью. Он верит в прорыв победы Божией в мир, он верит в силу воскресения. Об этом с огромной яркостью свидетельствует одна из высших вершин его творчества — глава о «Кане Галилейской» в «Братьях Карамазовых». В видении — сне Алеши раскрывается здесь победное торжество Вечной Жизни, объединенное вокруг Воскресшего. — «Видишь ли Солнце наше, видишь ли Его?... нам из любви уподобился, веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не прекращалась радость гостей; новых гостей ждет, новых, беспрерывно зовет уже новых!... Вино Вечной Жизни!»). И Алеша, пробудившись, выбегает наружу и падает в молитвенном восторге на землю, и плачет, и благодарит и славословит, и душа его соприкасается мирам иным. Это момент восторженного прикосновения к Победе Вечной Жизни. И это становится решающим моментом его жизни.

Достоевский интересуется судьбою всего творения. У него есть томление по красоте очищенной, восстановленной в своем достоинстве природы. Поэтому одна из любимых картин Достоевского в Дрезденской галлерее — названная им «Золотой век» (в каталоге она обозначена, как «Асис и Галатея») картина Клода Лоррена (1600-1682), изображающая гармонически-мирную сияющую красоту преображенной Природы. Но для Достоевского это не мечта, это — реальность, начавшаяся и существующая уже теперь и раскрывающаяся в молитвенном христоцентрическом опыте. Об этом говорит у него и Макар Иванович (в «Подростке») и старец Зосима. Макар Иванович всё время говорит о какой-то радостной тайне, разлитой в мире. Особенно чувствует он это во время своего странничества, пешком через поля и луга и леса, от монастыря к монастырю. «Я вот, кабы полегчало, опять бы по весне пошел. А что тайна, то оно тем даже лучше: страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: всё в Тебе, Господи, и я сам в Тебе, и прими меня!»

Что это означает? Недаром «подросток» повторяет слова Макара Ивановича: «Тем даже прекрасней оно, что тайна...»

«Это я запомню, эти слова. Вы ужасно неточно выражаетесь, но я понимаю... Меня поражает, что вы гораздо больше знаете и понимаете, чем можете выразить»...

*) О своей вере в воскресение мертвых Достоевский пишет напр. в письме к Н. П. Петерсену от 24 марта 1878 г.: «Мы здесь — и я и Соловьев — веруем в воскресение реальное, буквальное и личное» («Письма», том IV, 1959, № 620, стр. 10).

Нахальный и самоуверенный полу-птенчик — Подросток с высоты своего величия готов похвалить старика. Но что же это значит? — То, о чем трудно теоретически говорить, ибо дело не в теоретических высказываниях. Это — свидетельство неожиданно захваченной этим Присутствием души : о близости Бога — о близости, освящающей творение. Как в начале беседы тот же Макар Иванович говорит :

« Тайна что? Всё есть тайна, друг, во всем тайна Божия. В каждом дереве, в каждой былинке эта самая тайна заключена... ».

О великой тайне разлитой в мире беседует и Зосима ночью над большой рекой, где он заночевал с рыбаками.

« Вместе с нами присел один благообразный юноша, крестьянин, лет уже восемнадцати на вид, поспешил он к своему месту назавтра купеческую барку бечевою тянуть. И вижу я, смотрит он пред собой умиленно и ясно. Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, всё тихо, благолепно, всё Богу молится. И не спим мы только оба, я да юноша этот, и разговорились мы о красоте мира сего Божьего и о великой тайне его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают ее сами, и, вижу я, разгорелось сердце милого юноши ».

Эта тихая ночь над рекой полна очарования. Помните дальнейший разговор?...

« Да неужто — спрашивает юноша — и у них Христос? » — « Как же может быть иначе? », говорю ему, « ибо для всех Слово, всё создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие... »

Здесь Достоевский устами Зосимы произносит решающее слово. Эта благодатная скрытая тайна в жизни природы есть тайно действующее в ней внутреннее прикосновение ее к Божественному Слову, к воплощенному Божественному Слову.

Воплощение Слова, как источник преображения твари — пока только в сокрытых глубинах ее. Это — учение великих учителей и мистиков христианских.

Напомню лишь эти строки великого мистика и поэта Хуана де ла Крус, испанца второй половины XVI века (1542-1591):

« Mil gracias deramando
Pasó per estos sotos con presura,
Y yendolos mirando,
Con sola su figura
Vestidos los dejó de su hermasura ».

(« Изливая потоки благодати, Он поспешно прошел через эти наши рощи. А взглянув на них во время Своего прохождения, Он через одно только отражение лица Своего оставил их облеченными Своей красотой »).

5

Народ пред лицом Божиим, народ и Бог — эта проблема непрестанно, непрерывно предносится Достоевскому. Нет у Достоевского принципиального « народопоклонства », нет у него принципиального сознательного « создания себе идола » из своего русского народа, из интересов своей русской государственности и своей русской народной идеи. У него есть огромная, страстная, ненадуманная любовь к своему народу, вырастающая из глубины его существа, особенно развившаяся и созревшая на каторге, на которой он среди нравственного безобразия и смрада почуял также и черты духовной красоты в самых глубинных складках и тайниках душевной жизни русского человека, даже на самых низших отверженных ступенях русского населения. Он охвачен страстной, « жалостливой », а нередко и восторженной и умиленной любовью к русскому человеку и русскому народу, не даром он характеризует свое общественно-политическое, а вместе с тем и нравственное направление словами: « Я — народолобец ». И эта любовь к народу, к простому русскому человеку часто не свободна у Достоевского, человека большой горячности и нередко эмоциональности, от некоторых преувеличений и идеализации. Из нее может позднее вытекать несправедливость, полу-презрительное отношение к другим национальностям, неосторожная, может быть, — и, может быть, ненужная — идеализация, как призвания русского народа, так и его духовных сил и данных. Всё это так, но всё это, все эти неосторожности и эксцессы и преувеличения любви, иногда до болезненности страстной и заступающей за народ любви, — всё

это не меняет для Достоевского сути вещей, основоположной картины: народ бесконечно мал перед Богом, народ бесконечно недостоин перед Богом — и чем выше его призвание, тем более он недостоин, ибо этому своему призванию, осуществляемому его святыми и праведниками и истинными вождями духовными, — он так часто бывает — и был — неверен. Чем выше его призвание, тем отвратительнее глубина падения, в которое русский человек так легко погружается. Перед многими русскими людьми, более того — перед русским народом в его целом стоит та духовная опасность, на которую так настойчиво, так картинно и устрашающе указывает в своей знаменитой статье «Влас» (комментарий к Некрасовскому «Власу») Достоевский в своем «Дневнике Писателя» *).

Еще страшнее картина, нарисованная в конце романа «Бесы»: в тело народа, страждущее и плененное, вселяются и уже вселились бесы. Имя им «легион» (как сказано в евангельском повествовании, в 8-ой главе Евангелия от Луки): «Это — все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!»

Картины разврата, падения, потери человеческого лица, сладострастия, преступлений и буйства изображены Достоевским в изобилии. «Подполье» человеческой души, могущее эту душу сделать отвратительной, также им нарисовано («Человек из подполья»). И мелкие разыгравшиеся «бесенята» — сладострастного самооплевания, крикливые кривляющиеся длинные «хвосты», почти «полчища» (так, напр., в «Идиоте») нахальных, суетливых, добровольно разыгрывающих из себя шутов, захлебывающихся, сюсюкающих приживальщиков, что толкаются среди его главных героев. Еще бесконечно страшнее убийство и духа и тела и уничтожение норм человеческого общежития, семьи и народа и отнятие всякой свободы у человека и убийство его нравственного лица, его личности в теории и в практике революции — учение Шигалева, практика Петра Верховенского (Бакунин? Нечаев?). А пророческое видение грядущей русской революции — им, Достоевским, усмотренной, как страшная надвигающаяся реальность, и последующая победа ее, нами пережитая и переживаемая... И всё это — особенно в «Бесах» — не без участия соблазненных кругов народа.

«Мыслят устроиться справедливо — говорит Зосима —

*) «Влас» — «Дневник Писателя» за 1873 г.

но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, и извлечший меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле... » *).

Но верит Достоевский, что побежден будет соблазн — не силою внешнею, а побеждающей любовью, имеющей силу восставлять падшее :

« Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть, но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет понимать, что он всего только безобразник, и более ничего, но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего » **).

Достоевский иногда (но не в « Бесах ») думает, что высшее испытание — подавление духовной свободы людей, убийство облика человеческого бесовским наваждением именно России, может быть, не коснется***). Случилось обратное : с России как раз это началось. В другие моменты он думает об ужасе, грозящем всему человечеству. Но он верит в конечную победу Бога над злом и дьявольским наваждением не « вообще », теоретически, но именно и в грядущей истории человечества. Ни человек, ни народ никогда, ни на Западе, ни на Востоке, не может жить без Бога (хотя бы временно и отошел от Него).

« Весь закон бытия человеческого — читаем мы в конце его « Бесов » — лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться перед безмерно Великим. Если лишить людей безмерно Великого, то не станут они жить и умрут от отчаяния » ****).

Христианское благовестие провозглашает, что « безмерно Великое » вошло в мир исторически во плоти и что в этом — спасение миру. Достоевский верит, что всё спасение человечества « в этих словах : Слово плоть бысть, и вере в них » *****). Но более того, он знает, что и русский народ в глубине сердца своего принял Воплощенное Слово Божие, как Владыку и Господа.

« Образ Христов хранят » (избранные верные Его) « пока

*) Из бесед и поучений старца Зосимы : е) Нечто о господах и слугах.

**) « Дневник Писателя » за 1873 г. « Смятенный вечер ».

***) « Из бесед старца Зосимы : е) О господах и слугах » : встречается мысль об ужасе и тщете западных безбожных и кровавых революций. « А Россию спасет Господь, как спасал уже много раз ».

****) Слова Степана Трофимовича (часть III, глава 7-ая).

*****) Материалы к « Бесам ».

в уединении своем благолепно и неискаженно » — пока он не воссияет всем людям *).

« На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного образа Христова пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом » **).

Думаю, что в этих словах сконцентрировано последнее завещание Достоевского последующим поколениям — и России и миру.

Николай Арсеньев

*) Из бесед старца Зосимы : « Нечто об иноке ».

**) Там же : « о молитве, о любви и о прикосновении к мирам иным ».

Стихия возбужденного хаоса и жажда благообразия у Достоевского

1.

Много говорилось и говорится — и по праву — о взолнованной динамической эмоциональности Достоевского: и в приемах, и в самом содержании его творчества, и, отчасти, в его жизни. Это — факт самоочевидный, не требующий доказательств, но оценка его и место, отводимое ему в творчестве и внутренней жизни Достоевского, различны.

Повышенная драматическая напряженность действия (что содействует его огромной внешней занимательности) соединяется с богатством душевной скалы, особенно в области истерии, безудержной смятенности; зоркая направленность взгляда — не только, конечно, в область истерии и болезненного самовзвинчивания, но и во все глубины этого волнующегося со всех сторон, часто хаотического и страшного моря душевной жизни — всё это, как известно, делает Достоевского одним из величайших психологов (и психопатологов!) и вместе с тем одним из величайших среди великих гениев всемирной литературы. Это несомненно так, хотя Достоевский и не любил, когда его называли «психологом». «Я не психолог», говорил он, «а реалист»: он видит духовные реальности ¹⁾ в этом изобилии психологических данных, бесчисленных бурно сталкивающихся волн и течений психологического мира — отсюда поражающее, иногда болезненно захватывающее и покоряющее богатство, но также и некое прирожденное или наложенное жизнью тяжелое бремя и даже некая внутренняя опасность его творчества. Достоевский, как многие великие художники — мыслитель (и может быть больше других) был в значительной степени и подневольный человек: он *свидетельствует* о безднах душевных, о мятеже и богатстве чувств, о хаосе, но и о стремлении к преодолению его. Не надо, конечно, при этом забывать, что Достоевский, очень интенсивно, по-видимому, переживавший духовную взбудораженность своих героев и своих творений, был вместе с тем и

1) «Меня называют психологом. Но я не психолог, я — реалист, только в глубоком значении этого слова».

великий и сознательный и опытный *мастер*: и в стиле и во всем характере изложения (и в диалогах, и в монологических размышлениях, и в рассказе, и в самом, увлекательно задуманном и проводимом, *плане действия*).

Мы должны здесь коснуться вопроса о значении этой стихии психологической взвинченности или огромной заряженности в романах и повестях Достоевского. Можно также говорить о некоторой порывистой истеричности и неуравновешенности во внешних действиях героев: они часто делают как раз не то, что можно или следовало бы от них ожидать. Но за всем этим стоит основной и болезненный вопрос о *двух безднах* — о бездне пустоты-опустошенности, могущей, однако, — и часто жаждущей — воспринять в себя бесконечную Реальность. А иногда есть более грозное и более резкое противоположение *двух враждебных сил*, борющихся за душу человека: силы разложения, силы хаоса и — силы, сметающей все преграды, растопляющей душу своим прикосновением, поражающей и вместе с тем целящей, потрясающей до глубины и умиляющей Творческой Реальности 2).

Или — что еще более характерно для Достоевского: бесконечно снисходящее Милосердие покоряет душу.

2.

Но вернемся к вопросу о «безднах» у Достоевского. Они как бы господствуют над всем его творчеством, определяют всё его направление, как бы стихийно-властно вторгаясь в него. И вместе с тем как творчески-сознательно и с какой творчески-изобразительной силой представлено им это в его произведениях. Поэтому можно говорить о *соединении стихийности с необычайно яркой и заостренной сознательностью* в его творчестве. В этом — его огромная сила, покоряющая нас, но и опасность. Как изображать бездны: стоишь на краю и сам можешь быть захвачен. А о Божественной «бездне» можно говорить только немея, только замолкая. Такое замолкание перед Божественной Бездной встречается и у Достоевского (напр. в конце главы «Кана Галилейская» или в конце «Легенды о Великом Инквизиторе»).

С этой основной, глубинной — метафизической и суще-

2) Как это представлено в переживании Алеши в конце главы «Кана Галилейская» и в ряде «Записей» старца Зосимы. Достоевский, когда писал эти страницы, одновременно вполне сознавал основоположное их значение для своего мирозерцания, как это видно из его переписки. См., например, письма № 660 от 10 мая 1879 г., и № 664 от 11 июня 1879 г. к Н. А. Любимову; № 663 от 19 мая 1879 г. К. П. Победоносцеву (Письма Достоевского, том IV, 1959, стр. 53, 59, 57).

ственной направленностью соединяется и богатство психологической тональности, вытекающей из переживаний бездны. Некоторые самые существенные черты его творчества и самой его творческой манеры, как мы видим это почти на каждой странице его произведений, связаны с этой основной тональностью и этой основной предпосылкой его мирозерцания.

Достоевский в значительной, может быть, даже в преобладающей мере изобразитель, последователь, аналитик безмерности, неуравновешенности, безудержа страстей или иногда даже отвлеченных утопических фантазий, перевоплощающихся в живые страсти, что выливаются в трагические конфликты, в преступления и гибель. Иногда эти «головные» страсти даже страшнее, еще смертельнее: ибо они разрывают живое общение человека с окружающей действительностью, ослепляя его взор ширмами отвлеченной, навязчивой идеи, но вместе с тем они питаются из тех же страшных стихийных недр, из тех же глубин взбудораженного хаоса. Эта страшная идейная одержимость (напр., что «вошь» можно убить «или что «всё позволено») вторгается тогда в жизнь и становится двигающей частью жизни.

Ясно, что этот напряженно-катастрофический внутренний мир находит себе и внешние формы выражения в потере душевного равновесия, в «смятенности» душевной в трагедиях Раскольникова, Ивана Карамазова, Кириллова, Ставрогина. Но есть и менее трагический безудерж — душевной распушенности, торжествующего — иногда подлинного, иногда подражательного вымученного кликушества и надрыва. Иногда до этой внешней стихии душевной расхлябанности и надуманной (а иногда и подлинной) истерии стоит не мрак, не бездна, а просто душевная пустота, искусственность, самоуничтожающееся, крикливое, взвизгивающее, лебезяще-хохочущее над самим собою, над «образом Божиим в себе» (сказал бы Зосима), глумящееся своим самоуничтожением, сладострастно любующееся им *шутовство*, паясничество, но шутовство «мелкого беса». И это — стихия бесовская, но «мелкого беса», кривляющаяся, взвизгивающая, и в нее окунуто (и часто глубоко окунуто) содержание весьма конструктивно и духовно важных частей в ряде важнейших произведений Достоевского — особенно в «Идиоте», но и в «Бесах» и даже в «Братьях Карамазовых». «Легион бесов» как бы временно вселяется в это, добровольно и с захлебывающимся сладострастным самоунижением попирающее свое человеческое достоинство, крикливое сборище³⁾. И мы спрашиваем себя,

3) Ср. слова умирающего Степана Трофимовича.

не слишком ли много этих захлебывающихся от восторга добровольных шутов, «паразитов», кликуш и вообще психопатов у Достоевского. Не нарушена ли явно пропорция, господствующая и тогда, в те времена, господствовавшая в окружающей жизни?

Д-р Чиж в своей известной статье в «Вопросах философии и психологии» (в начале века) насчитал в произведениях Достоевского 29 психопатических персонажей, в значительной мере только кликушеского типа. Одержимость — большая или меньшая — вот как будто соответствующее данным определение этой душевной атмосферы, так часто изображаемой у Достоевского, иногда как бы насильственно вторгающейся в повествование и как бы устремляющейся образовать тесное, удушливое кольцо вокруг главного героя — главного борца против этой атмосферы (так в «Идиоте»).

Да, идет борьба между бесовщиной и духовным благообразием. Борьба эта началась уже до романа «Бесы». Она пронизывает всю повествовательную ткань «Идиота», она разгорается и захватывает гораздо более глубокие и решающие области духовной жизни в «Бесах» (но здесь главный центр духовного сопротивления, духовное брение — епископ молитвенник Тихон скрылся от наших глаз, ибо часть романа, посвященная ему, была выпущена «Русским Вестником» из редакторских соображений, против желания самого автора). А в «Подростке», которого Достоевский должен был писать с чрезвычайной поспешностью, не удалось ему, как он жалуется сам, *развить* эту основную предносившуюся ему тему: «благообразие» духовное, носителем которого выступает Макар Иванович, как противопологающееся безудержу стихийности и безобразия. А Зосима — представитель не только умиления, но и *трезвенности* духовной. Жажда трезвенности и подлинности духовной, более того, духовного благолепия и благообразия и есть как раз черта глубоко свойственная Достоевскому, как в личной его жизни (ибо сам он часто в более ранние годы — так в годы увлечения рулеткой (1866-1871) — бывал увлечен безудержом), так и в его творениях.

Жажда благообразия — более того, осуществление благообразия — вот одна из *самых основных и самых центральных тем* в жизни и творчестве Достоевского.

3.

Эта жизнь была часто сурова или вернее сказать: в общем течении своем сурова, при, однако, очень большом и крепком семейном счастье, которое он нашел во втором своем

браке. И вытекало это не только из внешних обстоятельств и душевных бурь (игравших огромную роль в его жизни), но было присуще ему и в эпоху сравнительной «успокоенности», и внешне-бытовой, и психологической. Элемент беспокойства, борьбы мук творчества — был дан в самом акте и процессе его творчества. Он чувствовал себя призванным творить и творил мучительно — и радостно, с глубоким изнуряющим его вместе с тем напряжением. Это был аскез творчества, это была сознательная — и вольная, и подневольная до известной степени — аскеза и мука и истощавшая его напряженность (и радость) творчества. Он творил как свидетель того, что он увидел в своем духовном опыте. Это творчество было сурово. Эта жизнь была сурова. Но это был сознательно избранный, вернее, постоянно сознательно избираемый подвиг — не из необходимости только прокормить семью и не для славы только, а для свидетельства (а семья и слава шли уже после этого). Он обязан был свидетельствовать. Он был для этого создан. И это был тяжелый крест (но и любимый им крест). И в этом, в этом тяжелом подвиге было и всё растущее и крепнущее и зреющее начало *трезвенности духовной*.

Во внешней скорлупе суровость и болезненность, но какие богатства духовной трезвенности, соединенные с добротой и внимательностью к людям и сознанием *служения своего*, были даны в этой скорлупе суровости. Кому служение? Народу, семье, России, людям? Да, но и Большему, чем Россия, народ, семья, люди.

В этом, по глубочайшему убеждению самого Достоевского, — глубочайший и единственно *решающий* смысл его творчества и жизненного служения.

Не я, а Он — в этом смысл жизни и для Пушкинского «Пророка», и для Достоевского. И в этом источник мужественного трезвения и бодрости и вместе ума и твердости и силы и любви и внимательности к людям и радостное вдохновение этого замученного жизнью больного нервного, мучимого (не менее в общем — одного раза в месяц 4) припадками падухой человека.

И в этой суровости чувствуется скрытое, тихое «благообразие», которое так привлекало к нему людей, особенно молодежь, и *жажда благообразия*. И с какой любовью он останавливается на образах «простых» и тихих людей, у которых просвечивает это истинное благообразие — кроткое,

4) В годы, когда он стал себя лучше чувствовать, припадки уменьшились до восьми в год.

тихое смиренное горение духа. Он — этот как будто такой бурный человек любил и понимал тихое горение духа.

4.

Душевная смятенность, взбудораженность — сама по себе далеко еще не минус в глазах Достоевского. И исповедь «горячего сердца» Дмитрия и «Pro и contra» Ивана, и Версилов и сын его — подросток, и муки духовные Кириллова и Шатова — это часть внутренней жизни Достоевского, часть ему дорогая и близкая, это — часто драгоценный металл, нуждающийся еще, может быть, в усиленной плавке и очищении горением духовным. Но эти муки, это духовное беспокойство, неуравновешенность, может быть, есть залог, патент духовного благородства.

Поэтому, так решительно критикуя эти часто незрелые «головные» и притом неуравновешенно-разрушительные идеалы и увлечения молодежи, Достоевский вместе с тем так любит саму эту современную ему русскую молодежь, так сочувствует самому факту ее внутреннего беспокойства, ее духовных исканий, ее бескорыстного и чистого горения в исканиях Правды. «Никогда еще не было у нас», — пишет он в письме от 18 апреля 1878 г., — «в нашей русской жизни такой эпохи, когда бы молодежь (как бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной) в большинстве своем огромном была более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью, за правду и за слово правды»... «Никогда молодежь наша не была искреннее и честнее (что не малый факт, а удивительный, великий, исторический)»... 5). И в другом письме (от 21 июля 1878 г.): «А ведь были бы только высшие идеи или начало высших идей, то прочее всё приложится, всё может перегореть и исправиться к лучшему» 6). А вот яркое свидетельство о том, как он иногда говорил с представителями молодежи, ищущей нравственной правды (из воспоминаний В. В. Тимофеевой): «А вы будьте всегда [верны нравственной правде] — решительно, строго сказал он — стремитесь всегда к самому высшему идеалу! Разжигайте это стремление в себе как костер! Чтобы всегда пылал душевный огонь, никогда чтобы не погасал! Никогда!»... 7)).

5) Письмо № 697: «Студентам». Письма, том IV, стр. 17, 19.

6) А. В. Григорьеву, № 640, там же, том IV, стр. 34.

7) **Ф. М. Достоевский** в воспоминаниях современников. Москва, 1964, Издательство художественной литературы. Том II, стр. 149-150. См. мою статью «Достоевский и молодежь», готовится к печати.

Брожение, искание это часто смешано с бурными порывами страстей, с самообольщением и самолюбованием, с неустойчивостью духовной. Это — сырой, смешанный материал, основной динамически волнующийся фон души, полный и соблазнов, иллюзий, ошибок и великих падений, но и борений духовных и возможностей духовного возрождения 8). Картина душевной и духовной жизни у Достоевского по существу *динамична*, полна увлечений и промахов и опасностей — гибели духовной и «роста» духовного и борьбы и криков о помощи и искания Бога и *встречи с Богом*. Грех безобразен и ужасен, но прекрасна сила милосердия, исцеляющая грех, Красота Любви прощающей и покоряющей, как пережил ее, например, старец Зосима в своем обращении или Алеша Карамазов.

Хаос душевный есть данность, но преодолеваемая или вызывающая к своему преодолению данность, могущая быть преодоленной. Но не всегда это преодоление происходит.

Это есть *крик из глубины*. И ради великого заполняющего пропасти *Сострадания свыше* даже эта мутная, хаотически волнующаяся пропасть наших сердец и нашего мира и жизни носит в себе потенциальную ценность: как то, что вызывает к подлинной Жизни, как искание, как жажда, как то, что может быть — и будет — верит Достоевский — просветлено, преображено и очищено 9).

Душевный волнующийся мир Достоевского как бы иллюстрирует эти слова псалмопевца, столь излюбленные (напр., в своем латинском тексте) для ряда христианских мистиков Ср. Веков — «*Abyssus abyssum invocet*» («Бездна бездну призывает»). Бездна души призывает бездну Бога.

Но в этом «воззвании» души и в этом снисхождении Милосердия дан для Достоевского, как мы видим, и залог *преображения* жизни.

Многие глубины падений и сомнений и мук духовных были хорошо известны Достоевскому, но и путь мужественного подъема. Или — приближаясь к мыслям самого Достоевского, — может быть, можно говорить еще яснее и ярче: об огромном значении душевной бездны и о потенциальном великом призвании и достоинстве ее. Призвание это в том, что ничто не может заполнить ее кроме Бога — «Бездна бездну призывает», — бездна души призывает бездну Бога.

8) См., напр., очерк «Влас» в «Дневнике Писателя», 1873 г.

9) Идея преобразования мира, всего творения, очень, как известно, дорога Достоевскому.

5.

Вернемся еще раз несколько подробнее к жизненному подвигу самого писателя.

Достоевский как упорный, неутомимый труженик и служитель не только своего профессионального дела, своего таланта, но и своего призвания, так как он чувствовал себя именно как служитель призвания, задачи, наложенной на него свыше; Достоевский в суровости своего ежедневного подвига, своей напряженной писательской работы, которой он отдавал все свои силы, ночи напролет 10), несмотря на болезненность и физическую измученность (особенно после припадков падучей, повторяющихся в последние самые продуктивные и зрелые годы его творчества — приблизительно раз в месяц, что обыкновенно дня на 4-5 выводило его из строя обычной напряженной ежедневной работы); Достоевский упорный, угловатый, угрюмый, усталый и полный вместе с тем сокровенной нежности и внимательности к людям и уважения к их человеческому достоинству — как это неожиданно прорывается у него, когда требовалась его помощь или отклик его сердца, — и какая загоралась в нем неожиданно духовная сила. Достоевский, вдруг загорающийся или огнем негодования, или страстной проповедью своих идеалов (и это было теснейшим, непрерывным образом связано с его подвигом упорной чрезмерной работы в муках и радостях творческого достижения), захватывающе страстный спорщик — с нежной и чуткой душой, и исповедник, живой свидетель о Высшей Красоте и Правде, зажигающий и других своим горением, — вот тот Достоевский, который встает перед нами не только по воспоминаниям близко знавших его людей, но и по впечатлению кратко, однажды встречавшихся с ним, особенно представителей молодого поколения. И таким он встает перед нами из писем к знакомым и незнакомым или полужнакомым, и из позднейших своих фотографий (семидесятых годов), и из его творчества и «Дневника Писателя». Угрюмое горение — труженик и мученик своего труда — терпеливый, систематически-упорный, усердный и — зависящий от вдохновения и, когда охвачен вдохновением, пишущий до изнеможения (но сохраняющий критическое отношение и к себе, и к своему труду). Участливый и ласковый — и ласковость эта часто запрятана далеко в глуби сердца и вдруг неожиданно изливается из него. Нередко суровый (и может быть и сердитый)

10) Приблизительно с одиннадцати часов вечера до четырех, а то и пяти часов утра.

к другим, сам более суровый к себе — это не расхлябанный истерик, а муж зрелый страстной взволнованности, мятущийся, но которому в его жизни всё больше и больше предносился идеал и — более того — был наложен или указан путь: трезвение, подвиг работы и более того — *отдание себя* ради Высокого. Пусть это «я» еще обременено и болезненностью, иногда и нетерпимостью, и самолюбием, и болезненным переживанием несправедливого к нему отношения и критиков, и братьев-писателей, и публики (в последнем он был неправ: его читали, и как читали! взасос, нарасхват, и как много читателей обращались к нему с вопросами о смысле и направлении жизни). Много также шероховатостей и трудностей было во внешней его жизни, нередко и во внутреннем его самочувствии. При этом не забудем: он — нежнейший, трогательнейший, полный любви, забот и беспокойства (даже до крайности преувеличенного беспокойства) и отец и муж. Но более того, это есть жизнь человека, при всех своих слабостях *отдающего себя* тому, что выше его или, еще вернее, Тому, что он ощутил сам вдохновляющим центром и своего творчества, и своего служения.

Это есть — простите за парадоксальность неожиданного, казалось бы, вывода — жизнь трезвенно-сурового, иногда страстно зажигающего (но строгого к самому себе) подвига, трезвенно горящего подвига; не самолюбующаяся истерика, а суровый в жестоких муках закаленный подвиг, преодолевающий истерию и не боящийся поэтому направить свой взор и на бездну волнующегося страшного хаоса, и на крикливую, самолюбующуюся толпу его мелких приспешников. Эта суровая кажущаяся угрюмость Достоевского и тонкость искреннего душевного подхода к людям встает, например, с такой яркостью и свежестью из воспоминаний скромных сотрудников его — служащих той типографии, где он печатал «Дневник писателя» — метранпажа М. А. Александрова и особенно уже упомянутой нами В. В. Тимофеевой (Починковской 11).

Вот как эта молодая корректорша типографии (Починковская, потом замужем за Тимофеевым) пишет об его лице (встретивши его через ряд лет на улице: «То же единственное в своем роде лицо — *точно ткань из душевных движений*» (курсив мой) 12).

А вот первое впечатление от его внешнего облика: «Он

11) См. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, Москва, 1964, Том II, стр. 213-256, и особенно 122-185.

12) Там же, стр. 185.

был весь точно замкнут на ключ — никаких движений, никаких жестов — только тонкие бескровные губы нервно подергивались, когда он говорил » 13).

Другими словами, огромная сила нравственного мужества и трезвенности у Достоевского, проявляющаяся в борьбе с собственными, внутренними порывами хаоса, неверия, может быть, сладострастия и еще более в *преодолении* их (особенно в этот последний, столь значительный и решающий период его жизни и творчества после возвращения из-за границы: 1872-1881 гг.) — всё это делает его столь несходным с крикливым, рассчитанным на внешний эффект, захлебывающимся кликушеством некоторых из мелких его героев или мнимых его последователей (в стиле А. Белого).

Его борьба — глубинная, напряженная, основоположная, как и у ряда важнейших его героев, и если он не гибнет морально в этой борьбе, как некоторые из них, то потому, что сам, как и ряд других его героев, ощутил — призыв Иной Спасительной Силы (к этому невольно всё время приходится возвращаться, так как слишком основоположно это для Достоевского). И здесь как раз поражает его личная большая сдержанность и трезвенность духа. Большое сознание ответственности, суровое сознание большого, иногда тяжелого на него наложенного творческого подвига. Но под этой угрюмой сдержанностью таятся сокровища, и они иногда раскрываются и сообщаются людям: ибо он *живет этим*, в глубоких недрах души, и оно прорывается наружу.

Автор тех же воспоминаний так описывает силу этого воздействия: « Он до того пронизал нам душу *любовой жа- лостью, состраданием ко всему страдающему* 14), что нам стало тесно в семье, и все больное, забитое и приниженное стало нам близким и родственно как свое » 15).

Вот — сокровища, которые он носил в себе. И иногда это вспыхивало и озаряло невиданным светом его изможденное, усталое бледное лицо. « Я бессознательно не отрываясь смотрела на это лицо, как будто передо мной внезапно открылась « Живая Картина » с загадочным содержанием, когда жадно торопишься уловить ее смысл, зная, что еще один миг и вся эта редкая красота исчезнет как вспыхивающая зарница. Такого мига я больше никогда не видела у Достоевского. Но в это мгновение лицо его больше сказало мне о нем, чем все

13) Там же, стр. 126.

14) Курсив мой.

15) Стр. 127.

его статьи и романы. Это было лицо *великого человека* 16), историческое лицо » 17). И многих, многих — особенно из молодежи — он привлекал к себе — не самим собой, а тем, что покоряло его душу. Ибо эта будничная непрерывная работа 18), этот творческий подвиг есть только носитель, есть только сосуд вдохновляющего его душу содержания. Мы знаем, мы видели, что переполняло душу Достоевского: безмерная жалость, сострадание. Мы видим: об этом он говорит с молодежью. Эта захватывающая и покоряющая душу жалость и сострадание находят свое средоточие в вере в высшее Милосердие и Сострадание, как основе, основном законе жизни. « Сострадание есть главнейший, а может быть единственный закон бытия человеческого », читаем в « Идиоте » 19). Эти заостренные, казалось бы, странные слова становятся, однако, более понятными, они — раскрытие тайны жизни человека и мира, разрешение мировой загадки: вместе с Достоевским в безмерном сострадании и *отдании* Себя страждущего с нами Бога, заполняющего Своим присутствием бездну страдания. Изменяются тогда все оценки жизни и страдания. Центром — новым и единственным центром — жизни становится теперь захваченность покорившей меня Любовью — в лице Иисуса Христа. В этом — совершенно независимо от отношения к этому читателей этого очерка — основное содержание религиозно жизненного опыта Достоевского и вдохновенный центр его творчества (начиная уже с « Записок из Мертвого Дома »), его служения.

6.

Образ Христа предносится Достоевскому как часто, как невероятно часто! И в интимных письмах, и в записях « Записной книжки », и в черновиках его романов, и в самих романах — в самых важных ключевых, идеологически решающих пунктах. И повсюду одно отношение: *покоренность* этим образом, покоренность — его « ненарочитостью », его Смирением, его тихостью, его Кротостью (« трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит », Матф. 7, 2). Но еще больше того, покоренность Его *присутствием* — основа

16) Курсив автора воспоминаний.

17) Стр. 132.

18) Как он говорит о великих ее достоинствах! См. там же, стр. 160.

19) « Идиот », часть II, глава V.

религиозного мирозерцания и опыта Достоевского — мистическая захваченность (как всякий более глубокий религиозный опыт) и при этом божественным присутствием, данным в служении терпения и кротости в лице Иисуса Христа 20). Именно этот образ Христа, начертанный в Евангелиях, предносится непрестанно взору Достоевского (например: «научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко», Матф. XI, 29-30). С какой ревнивой любовью опять и опять говорит Достоевский об этом Образе, уже напр. в письме, написанном им в начале марта 1854 г. жене декабриста Фонвизина почти сразу после выхода из «Мертвого Дома». «Несмотря на муки сомнения», пишет он, у него есть минуты успокоения, в которые он сложил в себе символ веры, в котором, пишет он, «всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа и не только нет, но — и с *ревнивой любовью* 21) говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины — то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом нежели с Истиной».

В этих словах, как будто бы полных еще сомнения в конце письма, — какая огромная сила веры, хотя и выраженная парадоксально. Он настолько ощущает всем чувством своим, ревнивой любовью своей, что нет ничего выше, благороднее, возвышеннее Христа; он так ощущает эту *Превозмогающую Реальность* — реальность красоты и величия и творческой силы, «раскрывающейся» в Христе, что он предпочитает быть со Христом, чем с вами, в вашей Истине. Эти слова, как будто еще колеблющиеся на пороге веры, напоминают своей парадоксальностью слова «захваченного» и покоренного Ап. Павла: «Я решил ничего не знать кроме Иисуса Христа и притом распятого» (I Кор. 2 гл.). «Я всё почел за сор, чтобы приобрести Христа» (Филип. 3, 8).

А уже в расцвет его творчества в набросках к «Бесам» он пишет: «Дело в настоящем вопросе: можно ли веровать, быв цивилизованным, т. е. европейцем, т. е. веровать безусловно в божественность Сына Божья Иисуса Христа?» (ибо вся вера только в этом и заключается), и далее: «Источник жизни и спасение от отчаяния всех людей и условие для

20) Срв. у ап. Павла: «Любовь Христова захватывает, объемлет (synechei) нас». — II Кор. 5,14).

21) Курсив мой.

бытия всего мира заключается в трех словах: « Слово плоть бысть » и вера в эти слова » 22).

А вот два места из его писем последних лет. Одной матери он пишет: « Ваш ребенок 3-х лет » — « знакомьте его с Евангелием... Лучше Христа ничего не выдумаете, поверьте этому » 23). Точно так же Е. Ф. Юнге он пишет (11 октября 1880 г.): « Милая, глубокоуважаемая К. Ф. — верите ли Вы во Христа и его обеты? Если верите, то предайтесь Ему вполне и муки от этой двойственности сильно смягчатся и Вы получите мир душевный ») 24).

Не образ только, не утешение, которое есть самоутешение, а Реальность, которая исцеляет душу. Так верит Достоевский. И уже теперь начинается преобразование и просветление ткани духовной жизни человека.

Этот образ Христа, отражение этого образа очищает и освящает человека. Поэтому так дороги сердцу Достоевского « простые сердцем », кроткие, смиренные люди, отражающие в себе образ Того, Кто сказал: « научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем »... Вот « Столетняя » (один из самых очаровательных маленьких рассказов Достоевского), вот « мужик Марей », вот Зосима, вот странник Макар Иванович, вот чистый душой Алеша Карамазов и чистый и милосердный, страдающий за людей герой « Идиота », вот трогательные и чистые душой два брата татарина из « Мертвого Дома », или вот разговор старца Зосимы ночью на берегу большой реки в ожидании паромы с благообразным крестьянским юношей, чующим присутствие Бога повсюду в мире.

Восторг, ощущение превозмогающего Присутствия безмерно отдающей Себя Божественной Любви, ощущаемое в умиленной трезвости духа — вот, что испытывают некоторые герои Достоевского и сам Достоевский в высшие моменты прозрения и просветления духовного 25). Но эти моменты суть призыв к росту духовному, ко всё большему отданию себя открывшейся ему Высшей Правде. Так ощущает это Достоевский 26).

22) Материалы к « Бесам ».

23) Письмо № 622, Петербург, 27 марта 1878 г. — Достоевский, Письма, Т. IV (1878-1888 гг.), Москва, 1950, Государственное Издательство, стр. 12.

24) Там же, стр. 487.

25) Срв., например, его мистическое переживание в Семипалатинске, о котором он рассказывал 10 лет спустя сестрам Корвин-Круковским. (С. Ковалевская. Воспоминания детства. Вестник Европы, 1890, август, стр. 624). Срв. Н. Лосский. Достоевский и его христианское мирозерцание, Нью Йорк, изд. имени Чехова, 1953, стр. 74.

26) См. например заключение главы « Кана Галилейская »: ...« Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом

Но призвание еще не есть осуществление. Здесь встает великая опасность — укороченной перспективы, принижения идеала.

7.

Достоевский хорошо знает — проникая своим зорким и часто беспощадно-правдивым взглядом в глубины человеческой души — о слабости и недостоинстве человека вообще и русского человека в частности (при всей своей горячей, иногда односторонне идеализирующей, но часто столь зорко проникновенной, столь исполненной тревогою, любви к русскому народу). И это дает его скорби и любви, его опасениям и надеждам 27) и горячей вере этот мучительный и вдохновенный и вдохновляюще-мужественный оттенок. Сюда относится одна очень важная тема, на которой следовало бы как-нибудь еще раз более подробно остановиться: Достоевский и молодежь, Достоевский и будущее России и мира. Его молодежь (как мы уже мельком видели) и мучительно волнует, и заботит, и привлекает, и он любит ее, и им и его проповедью часто была она захвачена и вдохновлена, вот эта окружающая его молодежь, ищущая Правды (и семена эти упали гораздо шире и глубже — даже тогда, еще при жизни его, чем это можно установить по нашим обзорам русской литературы). Он проецировал свою *проповедь вперед*, опираясь на совершившийся уже раз навсегда — такова его убежденная вера — *прорыв Божий в историю мира*. Такое служение Достоевского: видеть творчески обновляющую и восстанавливающую силу Истины и звать к ней — можно и следует назвать пророческим.

и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час!» говорил он потом с твердой верой в слова свои... Это — типическая черта мистического опыта: ощущение прикосновения, покоряющая Реальность.

27) Носящим иногда и несколько внешне-утопический характер — например в статье о Геоктепе («Дневник Писателя», 1881, январь, гл. II, 3).

Достоевский и молодежь

1.

«Я — неисправимый идеалист, я ищу святынь. Я люблю их, мое сердце их жаждет, потому что я так создан, что не могу жить без святынь» — так пишет в «Дневнике Писателя» Достоевский. И прибавляет далее: «Но всё же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее, не то — стоит ли им поклоняться» 1).

Эти слова характеризуют многое в мирозерцании и духовном облике Достоевского и, в частности, его отношение к молодежи, т. е. прежде всего, конечно, к русской современной ему молодежи.

Это свидетельство его о себе прежде всего еще раз подтверждает, еще раз раскрывает нам некоторую основную черту его духовной жизни: не эмоциональность только, а гораздо большее, более глубокое и более творческое — *горение внутренним огнем*, которое сопровождает его в течение всей его жизни. Но это духовное горение соединяется у него с почти юношеским темпераментом. Этот угрюмый, угловатый, часто такой — казалось бы — замкнутый человек обладает именно почти юношеским темпераментом с юношеской отзывчивостью к жизни. Это не только духовное горение. Это — несмотря на года, на болезнь, на житейскую повседневную трепку, на тяжелейшие испытания жизни — пламя вдруг вспыхивающего юношеского порыва, юношеской динамики, и вместе с тем горение творческого гения, соединенные с горением духовным. Поэтому ему так приятны настроения молодости — творческое брожение, искание и непосредственность и сила эмоциональной реакции. Поэтому физически довольно рано постаревший Достоевский так иногда юн душой и так может понимать молодежь. Не понимать только, он ее любит и поэтому считает себя обязанным давать ей свое лучшее, т. е. не льстить ей, а говорить ей *правду*.

Он сам горит духом, он понимает горячую готовность служения и жертвенность у молодежи, более того, даже их сумбурные эмоциональные противоречия и преувеличенные искания, и их желание (у многих) найти *святыню*, идеал и поклониться ему. Но он хотел бы, чтобы их святыня была

1) В заключительной главе февральского выпуска 1876 года.

несколько святее. Он приветствует — или готов приветствовать — и ценит и любит их порыв (но только если он чист и не исполнен духа лжи и внутренней подмены), но он внимательно, правдиво, углубленно-критически относится к их идеалам. Он критикует их идеалы, он бичует их идеалы, если считает их духовным суррогатом, ложным и разрушительным, духовной ложью, обманом.

Вот — основная схема отношений Достоевского к молодежи, любя ее искренний порыв, его психологическую чистоту и горячность (если он таков), он бесстрашно борется против *лжи* этих идеалов если они ложны — из любви к истине, из сознания своего призвания служить истине и любви к той же молодежи.

2.

У нас много примеров как Достоевский любил молодежь, любил с ней бывать, с ней общаться и встречаться (поскольку это не мешало его работе), а также и того, как молодежь влеклась к нему, влеклась невольно даже к тому, чтобы слушать его суровые обличительные, но исполненные часто такой внутренней доброты и участия, речи.

Динамизм молодежи и динамизм Достоевского внутренне перекликались. Мы имеем ряд трогательных воспоминаний изображающих как Достоевский любил быть с молодыми, любил не только беседовать или спорить с ними, но и входить в их веселье, организовывать их веселье. Об этом напр. рассказывает в своих воспоминаниях его племянница М. А. Иванова (1848-1929), особенно о лете 1866 г., которое Достоевский провел вместе с семьей Ивановых на даче в Люблине, когда он писал пятую часть «Преступления и Наказания».

«Дни и вечера — пишет она — Достоевский проводил с молодежью. Хотя ему было сорок пять лет, он чрезвычайно просто держался с молодой компанией, был первым затейником всяких развлечений и проказ. После ужина было самое веселое время. Играли и гуляли часов до двух — трех ночи, ходили в Кузьминки, в Царицыно. К компании Ивановых присоединялись знакомые дачники, жившие в Люблине по соседству. Во всех играх и прогулках первое место принадлежало Федору Михайловичу. Иногда бывало, что во время игр он оставлял присутствующих и уходил к себе на дачу записать что либо для своей работы. В таких случаях он пропис минут через десять прийти за ним. Но когда за ним приходили, то заставляли его так увлеченным работой, что он

сердился на пришедших и прогонял их. Через некоторое время он возвращался сам, веселый и опять готовый к продолжению игры. Рассказывать о своей работе он очень не любил » 2).

В таком же духе повествует о том же периоде жизни Достоевского Н. фон Фохт, тогда молодой студент Константиновского Межевого Института 3).

Но особенно врезывались в память молодежи и плодотворными бывали ответы Достоевского ни их духовные искания и борения, его попытки помочь им разобраться в обуревавших их проблемах, подать им руку помощи, поддержать их в их исканиях Правды и Добра.

« Я знаю », пишет его сотрудник писатель А. П. Милюков (1817-1897), « как однажды пришел к нему незнакомый студент, не в видах получения какого нибудь покровительства, а только с желанием открыть свои религиозные и нравственные сомнения симпатичному человеку, и после довольно продолжительной беседы с ним вышел в слезах, ободренный и обновленный душевно. И кажется это не единственный случай в таком роде. Можно ли было так действовать на молодежь без горячей любви к ней? » 4)

И мы видим это из ряда писем Достоевского к молодежи. Но особенно сильно — до поразительности — это схвачено и передано нам одной молодой девушкой, студенткой, работавшей корректором в типографии Траншеля, где Достоевский печатал в 1873-74 году свой « Дневник Писателя », О. Починковской (она же Тимофеева, 1850-1931). 5). Написан ею этот замечательный очерк позднее, но на основании — как

2) Воспоминания М. И. Ивановой вышли в журнале « Новый Мир », 1926, ном. 3, стр. 138-144.

Срв. **Ф. М. Достоевский в Воспоминаниях Современников**, Москва, 1964, том 1, стр. 363, 364.

3) « Ф. М. Достоевский очень любил молодежь и почти всё свое свободное время от занятий он всецело отдавал этой молодежи, руководя всеми ее развлечениями » (Н. фон Фохт: Из биографии Ф. М. Достоевского. Исторический Вестник, 1901, ном. 12, стр. 1023-1033). Перепечатано в « Ф. М. Достоевский в Воспоминаниях Современников », Москва, 1964, том 1, особенно стр. 379, 376.

4) Там же, том I, стр. 326.

5) В. В. Тимофеева (она же О. Починковская) « Год Работы с Великим Писателем » (Исторический Вестник, февраль 1904 г., стр. 458-549). Также в книге « Ф. М. Достоевский в Воспоминаниях Современников », т. II, Издательство « Художественная Литература », стр. 122-185.

она сама указывает — записей сделанных ею под непосредственным впечатлением бесед с Достоевским. Его речи глубоко запали ей в душу и потрясли ее и — более того — повлияли глубоко на всю ее духовную жизнь. Она так обобщает (в начале своего очерка) это воздействие Достоевского на молодежь: он так «пронизал нам душу любовною жалостью, состраданием ко всему страдающему, что нам стало тесно в семье и всё больное, забитое и приниженное стало нам близко и родственно как свое» 6). Характерны слова, которыми она описывает тогдашние искания молодежи, сходной с ней по настроениям и не находившей себе руководителя:

«Мы искали тогда — и в книгах и в людях, вообще на чужбине, вне нас самих — самого лучшего «лагеря» — не призрачного, не фальшивого и не противного сердцу, такого, где правда была бы не на словах, а на деле, где справедливость царила бы всюду, всегда и для всех. Но такого лагеря не существовало нигде. Или мы не знали его» 7).

И вот Достоевский ответил на эти духовные искания. Тимофеева-Починковская описывает впечатление, которое раз произвело на нее внезапно преобразившееся во время одной такой беседы лицо Достоевского:

«Я бессознательно, не отрываясь, смотрела на это лицо, как будто передо мной внезапно открылась «живая картина» с загадочным содержанием, когда жадно торопишься уловить ее смысл, зная, что еще один миг, и вся эта редкая красота исчезнет, как вспыхнувшая зарница. Такого лица я больше никогда не видала у Достоевского. Но в эти мгновения лицо его больше сказало мне о нем, чем все его статьи и романы. Это было лицо великого человека, историческое лицо.

Я ощутила тогда всем своим существом, что это был человек необычайной духовной силы, неизмеримой глубины и величия, действительно гений, которому не надо слов, чтобы видеть и знать. Он всё угадывал и всё понимал каким-то особым чутьем. И эти догадки мои о нем много раз оправдывались впоследствии.

Я не чувствовала малейшего утомления и придя домой в

6) Ф. М. Достоевский в Воспоминаниях Современников, том II, стр. 127.

7) Там же, т. II, стр. 130.

три часа, села записывать только что пережитые впечатления. Точно в них заключалось какое-то удивительное сокровище, которое надо было сберечь на всю жизнь. Но мне казалось тогда, что эти впечатления со временем вырастут во что-то *большое и важное*, что будет нужно и мне и другим » 8).

А вот впечатления от публичного чтения им главы из «Братьев Карамазовых» на залу переполненную главным образом молодежью студенческого возраста :

«Он читал главу из «Братьев Карамазовых» — «Рассказ по секрету», но для многих, в том числе и меня, это было чем-то вроде откровения всех судеб... Это была мистерия под заглавием «Страшный суд, или Жизнь и смерть»... Это было анатомическое вскрытие больного гангреною тела, — вскрытие язв и недугов нашей притупленной совести, нашей нездоровой, гнилой, всё еще крепостнической жизни... Пласт за пластом, язва за язвой... гной, смрад... томительный жар агонии.. предсмертные судороги... И освежающие, целительные улыбки... и кроткие, боль утешающие слова — сильного, здорового существа, у одра умирающего. Это был разговор *старой и новой России*, разговор братьев Карамазовых — Дмитрия и Алеши.

Мне слышались под звуки этого чтения две фразы, всё объяснявшие мне и в Достоевском и в нас самих. Мне представлялось, как будто слушатели, бывшие в зале, сначала не понимали, что он читал им, и перешептывались между собою. :

— Маниак!... Юродивый!... Странный...

А голос Достоевского с напряженным и страстным волнением покрывал этот шепот...

— Пусть странно! пусть хоть в юродстве! Но пусть не умирает *великая мысль!*

И этот проникновенный, страстный голос до глубины потрясал мое сердце... Не я одна, — весь зал был взволнован. Я помню, как нервно вздрагивал и вздыхал сидевший подле меня незнакомый мне молодой человек, как он краснел и бледнел, судорожно встряхивая головой и сжимая пальцы, как бы с трудом удерживая их от невольных рукоплесканий. И наконец загремели эти рукоплескания...

Все хлопали, все были взволнованы. Эти внезапные ру-

8) Там же, т. II, стр. 132-133.

коплескания, не вовремя прервавшие чтение, как будто разбудили Достоевского. Он вздрогнул и с минуту неподвижно оставался на месте, не отрывая глаз от рукописи. Но рукоплескания становились всё громче, всё продолжительнее. Тогда он поднялся, как бы с трудом освобождаясь от сладкого сна, и, сделав общий поклон, опять стал читать. И опять послышался таинственный разговор на странную, совсем не «современную», даже «ненормальную» тему...

Один говорил с ядовитой и страстной иронией. А другой отвечал ему с такой же страстной, иступленной лаской: «Я не мстить хочу! Я простить хочу!»

Мы слушали это с возрастающим волнением и с трепетом сердца тоже хотели «простить». И вдруг всё в нас чудодейственно изменилось: мы вдруг почувствовали, что не только не надо нам «погодить», но именно нельзя медлить ни на минуту...

Или — «чертова ахинея» и укусы тарантула, или «возьми свой крест и иди за мной!». Или «блаженны алчущие и жаждущие правды» и тогда «не убей», «не укради», «не пожелай»... Или — ходи по трупам задавленных и рви кусок из чужого рта, ездь верхом на других и плюй на всяческие заветы! А середины не существует и живое не ждет.

...Он кончил, этот «ненормальный», «жестокий талант», измучив нас своей мукой, — и гром рукоплесканий опять полетел ему вслед, как бы в благодарность за то, что он вывел нас всех из «нормы», что идеалы его стали вдруг нашими идеалами, и мы думали его думами, верили его верой и желали его желаниями...

И если это настроение было только минутным для одних его слушателей, — для других оно явилось переворотом на *целую жизнь* и послужило могущественным толчком к *живительной* работе самосознания, неиссякаемым источником веры в божественное происхождение человека и в великие судьбы его всемирной истории. И эти слушатели имели право назвать Достоевского своим *великим учителем*, как это было написано на одном из его надгробных венков» 9).

Так, хотя бы временно — чувствовало *гораздо больше* людей чем думали тогдашние литературные критики, чем многие думают и теперь. Об этом свидетельствуют восторженные встречи, устраивавшиеся ему молодежью при бесчисленных выступлениях его на публичных литературных собраниях с чтением вслух отрывков из своих произведений

9) Там же, т. II, стр. 182-183.

(особенно — в последние два года — из «Братьев Карамазовых»). Сам Достоевский, в одном из писем 1880 года, говорит, что не знает, что уже читать вслух: всё особенно подходящее для чтения вслух он уже перечитал. Особенно огромное впечатление производило чтение им вслух легенды о Великом Инквизиторе и главы «Pro и Contra». И мы также в достаточной степени знаем невероятно потрясающее впечатление произведенное его Пушкинской речью и чтением им на другой день в том же зале Благородного Собрания в Москве Пушкинского «Пророка». Мне рассказывал об этом один из присутствовавших при этом — тогда он был гимназистом 6-го класса, 15 лет.

Последнюю строфу «Пророка» Достоевский прочитал с ударением на слово «пророк» и «Моей». А слово «Жги» он бросил в толпу с невероятно неожиданной силой: это был как удар бича.

Восстань — Пророк! И виждь и внимли,
Исполнишь волею Моей
И обходя моря и земли
Глаголом жги сердца людей! 10)

Но дело не в эмоциональных потрясениях. Жизнь нужно отдать в служение Правде, и не в минутных порывах, а в неуклонном жизненном служении. Это он внушает Тимофеевой:

«Вы будьте всегда (такой)! — внушительно строго сказал он. — Стремитесь всегда к самому высшему идеалу! Разжигайте это стремление в себе, как костер! Чтобы всегда пылал душевный огонь, никогда чтобы не погасал!... Никогда!

— И какая это дивная, хотя и трагическая задача — говорить это людям! — с жаром продолжал он, прикрывая на минуту глаза рукою. — Дивная и трагическая, потому что мучений тут очень много... Много мучений, но зато — сколько величия! Ни с чем не сравнимого... То есть решительно ни с чем! Ни с одним благополучием в мире сравнить нельзя! » 11).

Это был призыв пророка. Так он понимал свое призвание и несовершенства и погрешности и недостатки («это кающийся» — сказали про него Оптинские старцы в 1879 г.),

10) Из устных воспоминаний гр. Д. А. Олсуфьева, члена Госуд. Совета по выборам, умершего в эмиграции в Париже.

11) Достоевский в воспоминаниях современников, т. II, стр. 149-150.

но, несмотря на всю эту примесь напр. личного самолюбия, на все личные несовершенства он отдавал свою жизнь на служение Высшей Правде и на проповеди о сострадании, не только о нашем, но и о *Высшем Сострадании, Вошедшем в мир*. И с этим он шел к молодежи.

3.

И отсюда двойственность его отношения к молодежи. Он ее критикует и... любит. Она отталкивается от него, иногда ненавидит его и опять таки идет к нему. Здесь есть некое столкновение *двух* сил, и сюда в эти отношения к молодежи *входит* *духовная борьба* во имя Высшей Правды против сил зла и ненависти, характерная для его духовной жизни.

С большой отчетливостью выступает это горячее, любящее и потому и критикующее, потому и *зовущее* к Высшей Цели отношение к молодому поколению в письме его к Московским студентам от 18 апреля 1878 г. в ответ на письмо к нему 12). В этом письме он ясно излагает свою основную позицию. Он любит русскую молодежь, любит горячо и именно потому, что он ценит ее порыв и часто чистоту ее идеализма, он считает себя обязанным говорить ей правду:

« Никогда еще не было у нас, в нашей русской жизни, такой эпохи, когда-бы молодежь (как-бы предчувствуя, что вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной) в большинстве своем огромном была более, как теперь, искреннею, более чистой сердцем, более жаждущею истины и правды, более готовою пожертвовать всем, даже жизнью за правду и за слово правды. Подлинно великая надежда России! Я это давно уже чувствую, и давно уже стал писать об этом ».

Но молодежь ищет не там, где нужно.

« И вдруг, что же выходит? » — продолжает Достоевский. « Это слово правды, которого жаждет молодежь, она ищет Бог знает где в *удивительных местах*.

« *Никогда молодежь наша не была искреннее и честнее* (что не малый факт, а удивительный, великий, исторический). Но в том беда, что молодежь несет на себе ложь всех двух веков нашей истории. Разрыв с средой должен быть гораздо сильнее, чем, например, разрыв по социалистическому учению будущего общества с теперешним. Сильнее, ибо, чтобы пойти к

12) Подписанное шестью студентами Московского Университета: Ф. Самариным, Н. Д. Долгоруковым, П. Милюковым, Д. Некрасовым и двумя братьями Д. и С. Свербеевыми.

народу и остаться с ним, надо прежде всего *разучиться презирать его*, а это почти невозможно нашему верхнему слою общества в отношении его с народом. Во-вторых, надо, например, уверовать и в Бога, а это уже окончательно для нашего *европеизма невозможно*» 13).

Здесь звучит несколько односторонняя славянофильская нотка, но в других местах Достоевский ярко свидетельствует, что и народ часто дик и безобразен и недостойн, но, по Достоевскому, народ и в грехах своих и в грязи своей знает, что есть святыня, хотя он и недостойн ее, и обращается к ней из глубины падения и из глубины покаяния своего. И в этом — его спасение 14). Но молодежь отвергает святыню. Надолго ли? Навсегда ли? Достоевский верит, что она вернется к Тому, Кто есть спасающая Святыня для народа. К тому, что бесспорно свято и чисто и освящает жизнь своим присутствием, своим вхождением в жизнь мира («И Слово плоть бысть»), своим безмерным снисхождением в страждущей и состраждущей любви Своей. И этой Правде — не отвлеченной, а жизненной и реальной правде призвана служить и эта молодежь, столь жадно и искренно — и часто столь ошибочно, неверно, столь искаженно — ищущая Правды. Ибо Достоевский — мы знаем — не идеализирует однобоко эту молодежь. Он ярко рисует напр. крикливую, ограниченную, демагогически-революционную тупость (а иногда и внутреннюю пустоту и мелкую злобу) ряда ее представителей — так напр. в «Идиоте», в «Бесах». В «Подростке» эта бурно кипящая в своих идеях и чувствах молодежь изображена более привлекательно. Достоевский видел обе стороны дела: и атмосферу злобной одержимости («Бесы»!) и, с другой стороны, чистоту и искренность исканий у многих и многих. И честная и искренняя молодежь поняла эту честную и суровую и духовно будящую любовь к ней Достоевского, когда массами эта беспокойно бурливая молодежь шла за его гробом и провожала его до могилы, или когда приветствовала его так бурно и восторженно после его Пушкинской речи. Он кинул им суровые слова упрека и призыва и горячей будящей любви, и многие, многие — хотя бы полусознательно — откликнулись ему.

В Первом Послании Апостола Иоанна читаем:

«Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради

13) Ф. М. Достоевский. Письма. Том IV, Москва, 1959, стр. 17 и 19.

14) См. об этом напр. в «Беседах» старца Зосимы или в знаменитом очерке «Влас» в «Дневнике Писателя» за 1873 г.

имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от Начала. Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого. Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца. Я написал вам, отцы, потому что вы познали Безначального. Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и Слово Божие пребывает в вас и вы победили лукавого»... (2, 12-14).

Все возрасты согласно Апостолу призваны к общению с Богом и к познанию Его... и служению Ему. Но как-то особенно в его словах подчеркивается духовный динамизм, духовная активность юношей в борьбе за Правду против лукавого. «Я написал вам, юноши, потому что вы сильны и Слово Божие пребывает в вас и вы победили лукавого». Достоевский почувствовал, что в этом — духовное призвание молодежи и это дало ему силу со страстной любовью обличать ее и звать ее к служению любви. Его деятельность последние годы его жизни была в значительной степени призывом.

Достоевский может быть пророчески предчувствовал призвание и роль молодежи *уверовавшей в Бога* 15) в грядущем духовном восстановлении России.

Миссионерская роль Достоевского среди молодежи оказалась гораздо более значительной, чем полагали (или еще полагают) многие, и я думаю, что она продолжается и теперь.

15) См. об этом приведенное выше место из письма его к Московским студентам.

16) Определенные отклики русской молодежи на проповедь Достоевского встречаются со всей силой именно в наши дни — эпоху величайших духовных (и внешних) кризисов и борений. Так в № 1 (январь 1971) журнала "Вече", выходящего в Москве "Самиздатом", следующим образом определяются направление и цели журнала: "...вернуться лицом к Родине... возродить и сберечь национальную культуру, моральный и умственный капитал предков... продолжить путеводную линию славянофилов и *Достоевского*"... (см. "Грани" № 80 1971, стр. 108, курсив мой). Думаю, что призыв Достоевского, как некое духовное "бродило", как будящий голос религиозной совести, найдет все более отзвуков в молодежи, как России, так и всего мира.

Николай АРСЕНЬЕВ

О религиозном опыте Достоевского

(Встреча. — Проблема страдания. — Просветление)

1.

Есть отдельные великие мыслители, художники, искатели и носители и свидетели жизни Духа, которые через длинную цепь веков близки нам и говорят нам о самом главном: о Божественной Действительности, как смысле этой нашей жизни. К ним принадлежит, напр., Данте с его восприятием красоты и любви земной, как только начальной ступени к Красоте и Любви Превосходящей, — или, напр., Паскаль с его ужасом перед безответной, молчаливо зияющей пропастью беспредельного мира («молчание этих бесконечных пространств меня ужасает») и свидетельством о просветлении жизни прорывом Божественного («*Feu... Dieu d'Abraham, d'Isaac et de Jacob et non des savants et des philosophes... Sentiments de joie, paix... Pleurs, pleurs de joie...*»).

И еще ряд других пророков и свидетелей, подобных им. К этому числу принадлежит и Достоевский. Поэтому он и близок нам теперь, сейчас, через 150 лет после дня своего рождения — может быть, даже ближе, именно теперь нам, чем тогда своим современникам. Не потому, что мы особенно «созрели», а потому, что времена созрели и потому, что свидетельство его и пророчество проявилось в своей значительности и силе именно теперь — в «горниле» испытаний, пережитых Россией и миром

после Достоевского. Времена стали мрачнее, страшнее; вспышки света тем ярче.

У Достоевского два основных свидетельства: о смысле мира и жизни — в раскрывшейся тайне бесконечного снисхождения, более того — самоотдания Любви Божией, и о смысле страдания. Второе непосредственно связано с первым.

Достоевский все снова и снова созерцает эту тайну и свидетельствует о ней, каждый раз переживая ее всей глубиной своей души, всем страданием и вопрошанием своим, перед которым вдруг, все снова и снова раскрывается ответ: Встреча с Богом. С любящим, страдающим, побеждающим в Своем страдании и силе Своего воскресения — прощающим Богом. В этом, ведь, — конечный смысл «Легенды о Великом Инквизиторе», которая сама ведь увенчивает знаменитый диалог «Pro и Contra» между двумя братьями о Боге.

Встреча с Богом, объединение с Ним, захваченность, покоренность Его любовью, Его захватившей меня, раскрывшейся мне, покорившей меня Превозмогающей Дейтельностью — вот ответ, вот — смысл жизни и бытия вообще, вот — ответ на страшный вопрос о страдании. На него не может ответить обещание будущих благ: «слишком дорогой билет». Но Он, покоряющий меня, и Сам страдающий — до глубины, до невообразимой глубины — может раскрыться мне именно в Своем страдании, в Своем крайнем, смиренном, «отдающем Себя» и имеющим власть простить меня и захватить душу мою, любящем страдании, и победить меня Своею Любовью, и исполнить меня Своей Любовью. Вот тут — преодоление и страдания и смерти, уже теперь, в этой внутренней встрече моей с Ним раскрывается мне победная, смиренная, умиляющая и покоряющая сила Его, Божественная Действительность Его и победа Его над смертью. Это пережил Алеша в этом ключевом камне или венце всего творения Достоевского, в его главе о Кане Галилейской. Алеша, заснувший на коленях в келлии почившего старца Зосимы под монотонное чтение Евангелия над его гробом, вдруг видит себя перенесенным на брак в Кане Галилейской. Он слышит голос живого и преображенного, стоящего рядом с ним, старца Зосимы.

«Веселимся, — продолжает сухонький старичок, — пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вот и жених и невеста, вот и премудрый Архитриклин, вино новое пробует. Чего дивишься на меня? Я луковку подал, вот и я

здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела? И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткий, дело свое! ... А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смею глядеть... — прошептал Алеша.

— Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотою Своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресекалась радость гостей, новых гостей ждет, новых беспрерывно зовет и уже на веки веков. Вон и вино несут новое, видишь, сосуды несут...»

Вино Вечной Жизни!

Такой же отблеск встречи с Господом и Спасителем схвачен Достоевским в конце знаменитого сна Версилова в «Подростке». Версиров описывает свои странствия по Европе и видит, как она все более и более отходит от своей христианской традиции, от своей веры, от своих духовных ценностей, вытекающих из веры в Бога. Идет воинствующий поход на веру в Бога. И сердце его сжимается от боли в знаменитом его вешем сне, который он рассказывает своему сыну — «подростку» в минуту душевных излияний. Кончилась борьба после «комьев грязи и свистков». Наступило затишье и люди остались одни. Великая прежняя идея оставила их, тот «великий источник сил, до сих пор питавший и гревший их»... И они вдруг почувствовали, что они остались о д н и, что они о с и р о т е л и. И эта любовь их, которая была устремлена на То Высшее, что давало смысл всей жизни, всему бытию, устремилась теперь на все окружающее — «на природу, на мир, на людей, на каждую былинку». И особенно друг на друга. С нежной любовью они спешат прижать друга друга к сердцу, послужить друг другу, с нежностью обнять друг друга, зная, что все проходит без возврата, и они сами и их любовь. «Ибо исчезла великая идея бессмертия», любовь к Тому, «Который и был Бессмертие».

«О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. Они стали бы нежны друг к другу и не стыдились бы того, как теперь, и

ласкали бы друг друга, как дети. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть...»

(Часть II, глава 7-ая).

Как это похоже на современное американское «богословие» о преодолении исчезнувшей веры в Бога «Death of God» Hamilton'a, и других. Кстати, богословие, расцветшее 5 лет тому назад и уже отцветшее *).

Но у Версилова его вещий сон тут не кончается. Сам он называет себя русским европейцем, «деистом», но какой он «деист»? Он — один из многочисленных аспектов того, что является духовной сущностью самого Достоевского. Перед нами страстный, слабый, грешный человек, свой взор с ревнивой любовью устремляющий к единому Источнику силы и восстановления — Христу, Божественному Дарователю победы над смертью.

«... Замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, «Христа на Балтийском море». Я не мог обойтись без Него, не мог не вообразить Его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: «Как могли вы забыть Бога?» И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...»

Это созерцание Христа — центр духовной жизни и духовной силы и любви и веры Достоевского. Как в перво-христианском благовестии, как у апостола Павла: «Мы же проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, для эллинов безумие, для самих же спасаемых — Христа, Божию Силу и Божию Премудрость». (1 Кор., 1,23). В этом — вся суть, все содержание христианства вообще.

2.

В этом — суть и для Достоевского. Об этом говорит и его усиленная молитва умиленного, напряженного созерцания **), и его «ревнивая любовь» к образу Христа в самые различные периоды жизни, с колебанием в ударах, толкованиях, оттенках,

*) См. об этом мою статью «Религиозный кризис» в майской книжке журнала «Возрождение» за 1970 г.

**) См. Воспоминания его второй жены Анны Григорьевны, рожд. Сниткиной.

но неизменная, напряженная захватившая его любовь, как к Тому, Кто является его опорой и основанием и источником силы и осмыслителем мира и жизни.

Даже в эпоху еще полу-позитивистического, казалось бы, мирозерцания — первые годы после освобождения его из каторги — он так чувствует. И с какой силой чувствует! Вспомним его знаменитое, полное, казалось бы, парадоксальности, письмо к жене декабриста Фонвизина (пославшей ему Евангелие в самом начале заключения его в острог; он четыре года держал его под подушкой на своих нарах). Это письмо начато им через несколько дней после освобождения из «Мертвого Дома».

«...Скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю, и нахожу, что другими любим, и в такие то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но — с ревливой любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». (№ 61, февр. 1854 г.).

Мы видим, что письмо полно отзвуков борений, мучительных сомнений, что этот человек болеет, мучится этими проблемами, что для него это — вопрос ж и з н и. И и н о г д а он получает на это в душе свой ответ. Но и этот ответ — не спокойное догматическое исповедание. Он — больше, он — выражение страстной, себя не вполне даже сознающей, выраженной в форме часто практических оценок, и вместе с тем огромной, утверждающей себя наперекор всем «разумностям» людским, любящей, ревливо любящей, покоряющей веры. Огромной и сильной веры, полускрытой в мнимо-агностических (т. е. как будто отказывающихся от окончательного ответа) выражениях.

Нет, ответ дан. И выбор — несмотря на все сомнения — сделан. Ибо это — не вывод мысли, а контакт с Реальностью, Которая выше и больше меня. Так чувствовал Достоевский, и все больше, с прохождением лет, по мере роста своего опыта духовного. Это он выразил между прочим в своих замечательных «Материалах к Бесам», изданных впервые в 1929 году под редакцией профессора Комаровича в Германии, в издательстве Piefrer'a — и при том на немецком языке, с согласия Советской власти (ибо по-русски большевики тогда еще не позволили их издать). С тех пор, и особенно после превосходной книги Мочульского, эти записи Достоевского часто цитировались, но сила и четкость их формулировки так велики, что нельзя о них не вспомнить.

«Дело в настоящем вопросе: можно ли верить, быть цивилизованным, т. е. европейцем, т. е. верить безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа? (ибо вся вера только в этом и состоит)».

И далее: «Источник жизни и спасения от отчаяния всех людей и условие для бытия всего мира заключается в трех словах: «Слово плоть бысть», и в вере в эти слова» *).

Мы знаем, как богаты и письма, и интимные записи Достоевского, и черновые наброски («материалы») к его произведениям и замыслам и «Братьев Карамазовых» и «Бесов» и «Идиота», а образ Зосимы и образ Макара Ивановича (в «Подростке») и образ князя Мышкина (в «Идиоте»), и отчасти уже повествование «Записок из Мертвого Дома» — полу-скрытого (или более явного) христоцентризма. Ответ на предчувствуемую, предугаданную безобразную русскую революцию, воспринимаемую, как вселение «бесов» в тело и душу русского народа, дается только в слове силы Того, Кто «легион» бесов изгнал из бесноватого в земле Гадаринской.

«...Видите, это точь-в-точь, как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! ... Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загно-

*) Бесы. Изд. YMCA-PRESS, стр. 787.

ившаяся в поверхности ... и сами будут проситься войти в свиней... Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...»

Смотрите: и здесь Божественное Присутствие спасает душу народа. Это ведь основоположный краеугольный камень всех философствований и мыслей Достоевского о народе. Об этом говорит у него и Зосима и вся идеология Достоевского о живом о б р а з е Х р и с т а, который должен проявиться и осуществиться в человеке, и в искупленных грешниках (которыми в разных оттенках являются все обращающиеся к Нему) и в народе, и в народах и в человечестве и во всем творении Божиим.

3.

Христоцентризм Достоевского — вот основа и вдохновляющий источник его мирозерцания и в значительной, решающей степени, в самых глубинах, и его творчества. Здесь мы находим ответ и на самую главную, основную проблему его: проблему страдания. Впрочем — главной проблемой, неразрывным образом связанной именно с этой проблемой страдания, является другая, еще более основоположная: проблема бытия Божия. И на нее у Достоевского только один ответ: христоцентрический, и при том мистический. Другими словами: н е о н дал ответ себе и своим читателям. Ответ был дан ему.

Религиозное мирозерцание Достоевского о п ы т н о. Оно вырастает из опыта (длительного и мучительного) п у с т о т ы и опустошения души и мира и бессмысленных страданий и — п р о р ы в а Бога, заполняющего пустоту души и мира, и открывается жизненно и спасительно и конкретно-исторически и мистически, (конкретно-мистически) — в Сыне Своем. Слова Иоанна Богослова в начале его Первого Послания формулируют то, что легло в о с н о в у и в ц е н т р всего р е л и г и о з н о г о о п ы т а Д о с т о е в с к о г о: «О том, что было от начала, что мы слышали и видели и что рассматривали нашими глазами... — о Слове Жизни, ибо Жизнь явилась, и мы видели, свидетельствуем и возвещаем вам сию Вечную Жизнь, которая была у Отца и теперь явилась нам...» (I Иоан., 1, 6-9).

Эта Вечная Жизнь раскрылась в страдании... «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего» (Иоан., 3, 16). «Любовь Христова объемлет нас», пишет Павел, «рассуждающих так: если

Один умер, то все умерли... чтобы живущие уже не для себя жили, а для умершего ради них и воскресшего» (II Кор., 5, 14).

Встреча с Ним — пострадавшим ради нас и воскресшим — происходит больше всего и с особой силой в у ч а с т и и в Е г о л ю б в и — Его любовь к нам пробуждает нашу ответную любовь — и через это и страдания — Е г о с т р а д а н и е е с т ь ц е н т р а л ь н о е, решающее место встречи с Богом. В этом смысл и нашего страдания. Мы встречаемся с Ним и в нашем страдании, когда Он и Его страдания раскрываются нам в страдании нашем. Вот — философия, мистически-эмпирическая философия страдания Достоевского. В ней слились апостольская проповедь о Кресте («Так возлюбил Бог мир»... и: «Я сораспялся Христу. Живу уже не я, а живет во мне Христос») и тяжелый, болезненно-взволнованный, но зреющий под влиянием мистического общения с Пострадавшим из любви к нам (и Воскресшим) — так верил Достоевский — и все более приходящий к просветленно-мужественной, трезвенной мудрости жизненный опыт Достоевского.

4.

Волнующееся море, неразбериха, хаос жизни и страдания, сила зла, действующая в мире, бессмыслица жизни и смерти, пропасть все-поглощающей смерти, вот — другая сторона, количественно даже господствующая у Достоевского. Он не нагромождает ее преднамеренно и искусственно, чтобы дать потом успокаивающий теоретический ответ. Она сама вздымается у него — в душе и писаниях его — не как «благонамеренный» задний фон, а как живая и злая стихия, вызывающая и ужас и жалость и т р е б у ю щ а я о т в е т а . И ответ взят не из «учебника» богословия: его «Осанна через горнило испытаний прошла». «Обращение», «прорыв», «Бог говорит душе» — вот как можно бы назвать некоторые решающие места в произведениях Достоевского. Ответ идет о т т у д а , а я — в глубине и не могу даже его придумать. Это — как «прорыв огня» («Feu») у Паскаля. И только в этом сила ответа.

Ибо стихия зла и страдания действительно безбрежна. И одно только слепое, казалось бы (и вместе с тем бессознательно з р я щ е е) орудие, средство защиты, дано у Достоевского: ж а л о с т ь . И оно руководит. И им он ощупывает основной ответ: ж а л о с т ь Б о г а .

Как ужасен мир Достоевского, как, казалось бы, ненужно, как преувеличенно ужасен! Нет, не ненужно. Достоевский, ко-

нечно, выхватывает из жизни картины ужаса. Но если на них и ответить указанием на светлые ее стороны, то как ответить на общий вопрос о смысле и значении и ценности жизни вообще, ибо эти мрачные куски жизни так слиты с общей картиной, так неотъемлемы от нее, так являются неразрывно другой стороной ее — и нашего мирного благополучия — и все это сливается на общем фоне смерти, страдания и ужаса неизбежного уничтожения. И диссонансы внутреннего разложения, глубины падения — как они близки к нам, — тут рядом с нами, и как они еще подтачивают корень этой обреченной на смерть жизни нашей и мира.

Достоевский, конечно, рисует ужасы и страдания мира не «предвзято», не схематически-преднамеренно, только, чтобы потом о т в е т и т ь успокоительно и «разрешительно» на эту картину; он просто не может не рисовать то, что в нем и вокруг него; он мучим, он одержим этим и борется за ответ, а ответ приходит уже в самом процессе творчества. В этом и состоит главное напряжение его творчества — бороться за ответ, предварительно нарисовавши открывшуюся его взору картину опустошенности жизни и прежде всего нашей опустошенности и извращенности нашей жизни (а это часто связано с ужасами кварталов бедноты, пьянства и разврата, описанными Достоевским особенно ярко, напр., в «Преступлении и Наказании»).

Велика мужественность правдивой и беспощадной кисти Достоевского. Но сколько вместе с тем болезненной истеричности в переживаниях его героев! Картина мира, вся жизнь воспринимается тогда через эту дымку болезненно-сконцентрированной безнадежности, иногда соединенной с духовной неуравновешенностью. Можно поставить вопрос: действительно ли количество неуравновешенных людей было так велико в окружавшем тогда Достоевского мире или они прежде всего были удобными носителями его собственных заостренных взглядов? Не есть ли это сознательная к о н д е н с а ц и я страдания и ужасов перед глазами читателя? Зачем это нужно? Не прав ли Михайловский, что здесь перед нами очень «жестокий талант», которому приятно мучить своего читателя?

И не происходит ли это отчасти из болезненного психологического предрасположения, вызванного отчасти и его пребыванием на каторге, или из некоторого преднамеренного идеологического изуверства, как шепчут нам на ухо или открыто утверждают некоторые радикально и позитивистически настроенные критики? А может быть, его «жестокость» имеет и другие кор-

ни? Да, Достоевский безжалостен, но безжалостен к нам — читателям: чтобы пробудить нашу жалость. Его беспощадность, как писателя, вытекает в своей глубочайшей основе из огромной жалости, охватившей его раз навсегда. Это его специальное психологическое предрасположение (если таковое было) и ужасы каторги только раскрыли ему глаза, только помогли ему увидеть то, что есть, чего так много в окружающем нас мире и от чего мы стараемся отмахнуться. Но он не дает нам отмахнуться.

Тут мы подходим к самому корню творчества Достоевского. И здесь становится нам понятна глубокая правда этих столь заостренных и, казалось бы, даже преувеличенно-категорических, парадоксальных слов в его «Идиоте»:

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия человечества». (Часть II, глава 5). Сила сострадания так велика, потому что это — место прорыва Божия в мир. Прорыв Бога, вошедшего в мир и разделившего наши страдания. И лучи этого начинают пробиваться в нашу тьму. И поэтому страдание вместе с Ним становится началом нашей новой, обновленной жизни.

5.

Прорыв новой жизни в нашу падшую жизнь есть тема, к которой внутренне устремляется творчество Достоевского. И обращение Раскольникова, и сияние любви в Соне Мармеладовой, и духовный перелом в «Подростке», и уже просветленный Макар Иванович, и Зосима, и Алеша, и Дмитрий Карамазов, и смерть Степана Трофимовича, и «Влас» Некрасовский в восприятии Достоевского, и многие, многие «Власы», встречающиеся в гуще русского народа, и сам русский народ, падший, одержимый многими бесами, и — как верит Достоевский — имеющий быть исцеленным. Об этом много писалось и пишется, и правильно, так как это — одна из центральных тем Достоевского.

Здесь я хотел бы немного остановиться только на некоторых образах простых и смиренных, смиренных-отрезвенных русских людей, которые так дороги Достоевскому. Характерно, что Достоевского, рисуящего столь много искривленных, болезненных состояний и запутанных положений душевных, особенно влекут к себе, особенно трогают простые и смиренные люди, трезвенно просветленные. В противность безобразию, бушующему и распространяюще-

муся в народе, он видит образ «благообразия», он видит живой образ Христа, отраженный в верующих и смиренных душах. На эту «жажду благообразия», на эту любовь к благообразию у Достоевского исследователи, пожалуй, недостаточно обращали внимания. А таких образов у него не мало. Более того — он с любовью как бы выискивает их и останавливается на них, особенно в ряде кратких своих очерков и зарисовок в «Дневнике Писателя» (не говоря уже об его «Зосиме»).

«Дневник Писателя!» Каким светом веет от лица этих простых, добрых людей, этих смиренных «рабов Божиих», о которых Достоевский вспоминает с такой любовью — напр., о «Столетней» и о «Мужике Марее».

«...Миша, сколько ни проживет, все запомнит старушку, как умерла, зажав руку у него на плече, ну а когда он умрет, никто-то на всей земле не вспомнит и не узнает, что жила-была когда-то такая старушка и прожила сто четыре года, для чего и как — неизвестно. Да и зачем помнить; ведь все равно. Так отходят миллионы людей: живут незаметно, и умирают незаметно. Только разве в самой минуте смерти этих столетних стариков и старух заключается как-бы нечто умиротворяющее и тихое, как-бы нечто даже важное и миротворное: сто лет как-то странно действуют до сих пор на человека. Благослови Бог жизнь и смерти простых добрых людей!» *).

Мужик Марей, пахавший поблизости в поле, с трогательной нежностью успокаивает перепуганного до смерти маленького 8-летнего барчука (послышалось ему: «Волк бежит!»).

«...Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как-бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлую любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барченоч; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не награждал за то. Любил ли он, что-ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувст-

*) «Дневник Писателя» за 1876 г. март, гл. 1.

вом и какую тонкою, почти женственную нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика, еще и не ждавшего не гадавшего тогда о своей свободе» *).

6.

Мы хорошо знаем, какую роль в духовной жизни Достоевского играли его жгучая любовь к своему народу и чувство нравственной ответственности за его судьбу (ответственности, разделяемой всеми, к нему принадлежащими) и горячая жажда нравственного преображения народа, жажда его духовного спасения. Исторические судьбы народа, в глазах Достоевского, неразрывно связаны с его внешними судьбами, с вопросами об его духовной гибели или спасения, вопросами об его «духовном возмужании» и росте духовном. Какие духовные силы и богатства потенциально даны ему, и как велики глубины его падения и немощи его!

«...В русском человеке из простонародья нужно уметь отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что удивительно, как он дожил, сохраняя человеческий образ, а не то что сохранил красоту его. Но он сохранил и красоту своего образа. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш, и сумеет отыскать в этой грязи бриллианты. Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он в самой мерзости своей постоянно воздыхает. А ведь не все же в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают».

«Нет, судите», — продолжает Достоевский — «наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем он желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили его навеки простодушием и честностью, искренностью

*) Там же, февраль 1876 г., гл. 3.

и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоничном соединении...» *).

В знаменитом своем очерке «Влас» («Дневник Писателя» за 1873 год) Достоевский рисует особенно яркие картины глубины катастрофического духовного падения русского человека, за которой, однако, иногда следует и огромная сила внутреннего перелома и восстановления духовного (как он находит это изображенным в знаменитом «Власе» Некрасова).

«Тут являются перед нами два народных типа, — в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это, прежде всего, забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся как-бы каким-то наваждением). Это — потребность хватить через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, взглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой. Это — потребность отрицания в человеке, иногда самом не отрицающем и благоговеющем, отрицания всего, самой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благоговел, и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем...».

«Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждой самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть, когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва, — порыва отрицания и саморазрушения».

«...потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не заместишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть, но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и больше ниче-

*) Дневник Писателя, февраль 1876 г., гл. 1.

го, но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего» *).

Так толкует — может быть, идеализирует? — Достоевский русский народный характер, русскую народную душу, часто грязненную, падшую, подчас озверелую, но в каких-то глубинах своих таящую устремление к Высшей Правде, к предносящемуся ей образу Высшей Правды Божией.

Согласно Достоевскому, эта Высшая Правда открылась русскому народу во Христе. «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания» — так заключает Достоевский свои рассуждения о Некрасовском «Власе».

И еще более смелая, дерзновенная мысль предносится Достоевскому:

«Может быть, главнейшее предизбранное назначение народа русского в судьбах всего человечества и состоит лишь в том, чтобы сохранить у себя этот божественный образ Христа во всей чистоте, а когда придет время, — явить этот образ миру, потерявшему пути свои!» **).

Мы не можем решать исторических проблем, самоуверенно вторгаясь в будущее. Но есть исторические н а д е ж д ы.

Религиозный опыт, религиозный путь Достоевского есть глубоко активный и практический путь, он связан с сознательной любовью и пробуждением жалости к человеку, с уважением к достоинству даже павшего человека. Но этот путь, при всей своей динамичности и напряженности духовной, не самопроизвольный, не Достоевским выдуманный, не результат его горячих мечтаний, его страстного идеализма, — он лишь о т в е т. Этот, казалось бы, столь угрюмый и сумрачный, порою столь болезненно-раздражительный Достоевский захвачен неким Высшим, чем он сам, и служит Ему, чувствует, что он призван служить Ему. Он захвачен этой отдающей себя воплощенной Любовью, сошедшей до самых глубин добровольного страдания и смерти, и сам охвачен ответной любовью к Нему, которая выражается в служении любви. В этом — вся суть религиозного опыта Достоевского.

*) Дневник Писателя за 1873 г., «Влас».

**) Там же, «Смятенный вид».

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Духовные основы творчества Достоевского	5
II. Стихия возбужденного хаоса и жажда благообразия у Достоевского	21
III. Достоевский и молодежь	35
IV. О религиозном опыте Достоевского	45

КАТАЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВА "ЖИЗНЬ С БОГОМ"

Адрес: Foyer Oriental Chrétien, Avenue de la Couronne 206,
1050 Bruxelles, Belgique. Цены обозначены в бельг.франках.

КНИГИ

- К.АДАМ* — *Иисус Христос*. Апологетический труд. Автор использовал обширный новый научный материал для воспроизведения исторического и вечного облика Христа. 370 стр. Б 1956. 100
- Н.АРСЕНЬЕВ* — *О жизни преизбыточествующей*. Сборник статей, объединенных одной общей темой: Человек перед безмерным величием Того Высшего, из чего он живет. 286 стр. Б 1966. 150
- И.А.БАЙГАЧЕВ* — *Спаситель мира*. Евангелие для детей с многочислен. иллюстрациями. 88 стр. Рим 1956. 60
- А.БОГОЛЮБОВ* — *Сын Человеческий* (40 иллюстр.). Цель книги: дать ключ к Евангелию в нашу эпоху и представить живое Лицо Основателя христианства, чтобы помочь людям познать и полюбить Его. С ценными приложениями (критический разбор тезисов атеизма о Христе и т.д.). 336 стр. Б 1969. 200
- Г.БОССИ* — *Он и я*. Дневник, передающий в кратких изречениях беседу души с живым Богом. 42 изд. на франц. языке. Б 1961.
- Л.БУЙЕ* — *О Библии и Евангелии*. Лекции в католическом Институте в Париже: Слово Божие — непреходящий источник христианской духовности. 232 стр. Б 1965. 150
- С.В.БУЛГАКОВ* — *Настольная книга для священно-церковно служителей*. Фототип.изд. 1270 стр. Рим 1963. 700
- Ж.ВИАННЕЙ*. Арсский Пастырь — *Избранные проповеди и уроки катехизиса*. Краткая биография. 280 стр. Б 1969. 200
- М.ВИНОВСКАЯ* — *Маранафа*. Рассказы об обращении неверующих в странах Восточной Европы. 148 стр. Б 1970. 80
- Ю.ДАНЗАС* — *Католическое Богопознание и марксистское безбожие*. 346 стр. Рим 1941. 200
- ДЕЯНИЯ И ПОСЛАНИЯ СВ. АПОСТОЛОВ, АПОКАЛИПСИС* с замечательными толкованиями трудных мест. 530 стр. Рим 1946. 100
- ЕВАНГЕЛИЕ* — Слово жизни вечной. Текст составлен из повествований четырех Евангелий. 508 стр. Б 1959. 100
- Вячеслав ИВАНОВ* — *Собрание сочинений*. Том I. С введением-биографией (220 стр.) и впервые изданной повестью (257 стр.). 872 стр. Б 1971. 1200

- М.КАРРУЖ – Шарль де Фуко.* Иллюстр. изд. 182 стр. Б 1968. 80
- И.КОЛОГРИНОВ – Очерки по истории русской святости.* Историческое исследование, сводка наилучших трудов о святых, в Земле Российской просиявших. 415 стр. Б 1961. 200
- Ф.ЛЕЛОТТ – Решение проблемы жизни.* 390 стр. Б 1959. 200
- К.ЛЮБИХ – Новый мир.* Духовные размышления основательницы христ. интернационального движения Фоколарини, стремящихся превратить в жизнь завет Христов: "Да будут все едино!" 92 стр. Б 1961. 50
- НЕБО НА ЗЕМЛЕ –* Литургический очерк. Предназначается в первую очередь читателям, не получившим религиозного воспитания, но желающим понять смысл, структуру и красоту восточно-христианского богослужения. 236 стр. Б 1969. 100
- К.НИКОЛЬСКИЙ – Пособие к изучению устава богослужения.* 872 стр. Рим 1960. Фототип. издание. 450
- НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.* На тонкой индийской бумаге. С толкователем к Н.З., параллельными местами, полезными приложениями и картами св.Земли в красках. Формат 13 x 18.50. 758 стр. Б 1965. 250
- Формат: 10 x 14. Б 1970. (Уменьшенное фототип. изд.) 160
- ОТЕЧНИК –* Избранные изречения свв.иноков и повести из жизни их, собр. Еп. Игнатий Брянчанинов. Фототип.изд. 550 стр. Б 1963. 250
- М.Э.ПОСНОВ – История христианской Церкви* (до разделения Церквей – 1054 г.) Лекции читанные в Киевской и Софийской Духовных Академиях. Именной и предметный указатель. Русская и иностранная библиография. 614 стр. Б 1964. 300
- А.РИШОМ – Винцент де Поль* или "Созидательная сила любви" – Святой – благодетель Франции в 17 веке – иллюстр.изд. 160 стр. Б 1968. 100
- Э.СВЕТЛОВ –* Всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества. 250
- Том I. *Истоки религии.* Иллюстр. изд. 408 стр. Б 1970 250
- Том II. *Магизм и единобожие.* Иллюстр. изд. 670 стр. Б 1971 300
- СОКРЫТЫЕ СОКРОВИЩА И НОВАЯ ЖИЗНЬ –* Описание находки Кумранских рукописей. Иллюстр. изд. 196 стр. Брюгге 1959. 150
- ВЛ.СОЛОВЬЕВ – Духовные основы жизни.* 140 стр. Б 1958. 100
- ВЛ.СОЛОВЬЕВ –* Сборник всего, что Вл.С. написал "О христианском единстве". Именной и предметный указатель. 490 стр. Б 1967. 300

<i>Вл. СОЛОВЬЕВ</i> – <i>Собрание сочинений</i> . 12 томов (XI-XII изд. впервые), с 6.270 стр. Б 1966-1970	7500
отдельно тома XI-XII	2000
Письма (I-IV)	1000
Стихотворения и шут. пьесы	200

Св. ТЕРЕЗА Имени Млад. Иисуса – *Повесть об одной душе*, 350 стр.

П. ТИВОЛЬЕ – *Спутник искателя правды*. Пространный катехизис в общедоступной форме. Объяснение литургии и богослужений Страстной Седмицы и Пасхи. 511 стр. Б 1964.

ТИПИКОН – Устав (на тонкой бумаге, в двух цветах). Фототип. изд. в холщ. переплете. 986 стр. Рим 1964.

С. ТЫШКЕВИЧ – *Церковь Богочеловека*, 580 стр. 1958. 300

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК – *Путь ко спасению*. Истолкование Молитвы Господней словами святых Отцов. Фототип. изд. 508 стр. Б 1962. 200

ФОМА КЕМПИЙСКИЙ – *О подражании Христу*, 354 стр. Рим 1949. 60

СВ. ФРАНЦИСК САЛЬСКИЙ – О благочестивой жизни. 2. Доктор *А. КАРРЕЛЬ* – О молитве. 3. Проф. *ЖАН ЛАДРИЕР* – О сочетании христианской жизни и научной деятельности. Сборник под назв.: *"Неведомая стихия"* 202 стр. Б 1967. 150

Р. ХАРДУН – *Коттоленго* – "Безграничное упование о. Б. Коттоленго" – великого итальянского святого и благодетеля больных прошлого века. 144 стр. Б 1968. 80

АКТЫ II-го ВАТИКАНСКОГО СОБОРА – 16 брошюр (изд. в Риме) 300

БРОШЮРЫ

<i>АКАФИСТ</i> ко причащению святых Таин, 20 стр.	50
<i>АКАФИСТ</i> Божией Матери с введением и нотами, 54 стр.	1.50
<i>АКАФИСТ</i> преп. Венедикту. 28 стр.	30
<i>БЕЛОМОРСКИЙ</i> – Правы ли отрицатели религии? 92 стр.	40
" – Правы ли отрицатели Церкви?	15
" – Существовал ли Христос?	20
<i>БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ</i> – Текст и объяснение, 40 стр.	30
<i>С. БОЛЬШАКОВ</i> – <i>На высотах духа</i> , 12 бесед о молитве Иисусовой	25
<i>М. Н. ГАВРИЛОВ</i> – Св. Лев Великий, 48 стр.	20
" – Св. Николай Чудотворец. С истор. введением	20
" – I. Духовные основы русской культуры.	
II. Основные идеи Ф. М. Достоевского, 24 стр.	15

М.Н.ГАВРИЛОВ — Тайна Рождества и Успения Пресв.Богородицы, 20 стр.	20
" — Туринская Плащаница 24 стр.	20
" — Православие и Флорентийский Собор	15
" — Флорентийский Собор и Русь, 30 стр.	15
" — Ватикан, война и мир, 28 стр.	20
М.Н.ГАВРИЛОВ и С.ТЫШКЕВИЧ — Св. Пий X, 82 стр.	30
Н.В.ГОГОЛЬ — Размышления о Божественной Литургии, 40 стр.	30
Св. ГРИНЬОН де МОНФОР — Тайна Пресвятой Богородицы (краткое руководство по вопросу: как быть в постоянном общении с Божией Матерью), 70 стр.	20
Р.ГУАРДИНИ — О Боге Живом. Известный религ.мыслитель излагает, как постигается на опыте и реально переживается присутствие Бога Живого, 74 стр.	50
Того же — Познание веры: Терпение Божие, Владычество Христа, Бож. Провидение.	25
П.ДИДИМОВ — Пути Господни неисповедимы. Автобиография советского летчика, ставшего католическим священником. 44 стр. Б 1952.	20
А.ДОНДЕЙН — Современный материализм и вера в Бога. Автор — выдающийся католический мыслитель, директор философского Института томизма при Лувенском университете. 30 стр. Б 1958.	20
Того же — Христианство — сила миролюбия в современном мире. 16 стр. Б 1958.	15
В.ЗАНДЕР — Христос — Новая Пасха. По свидетельству наших читателей: "Нет лучшего краткого объяснения богослужений Страстной Седмицы и Пасхи". 32 стр. Б 1964.	25
В.Н.ИЛЬИН — Арфа царя Давида в русской поэзии. Проницательный анализ религиозной поэзии Ломоносова, Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Вл.Соловьёва и Пастернака. 78 стр. Б 1960.	30
ИВ КЛОСТЕР — Вечная юность. Блестящее изложение духовных устремлений и чаяний современной западной молодежи. 86 стр. Б 1962.	25
КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ БИБЛИИ. 24 стр. Б 1960.	10
КУРТУА — Что говорят о Боге современные ученые. Свидетельства о Боге и религии 80 выдающихся ученых XX-го века: Эйнштейна, Маркони, Планка, и др. 62 стр. Б 1960.	25
ЛЕГИОН ПРЕСВ.БОГОРОДИЦЫ. Брошюра информационного характера: как возникло и развилось одно из самых плодотворных религиозно-просветительных движений нашего времени, насчитывающее более миллиона членов, предающих себя Божией Матери и активно трудящихся несколько часов в неделю для распространения	

<i>света Христова. Избранные тексты из Руководства Л.П.Б.</i> 100 стр. Б 1964.	30
Ф.ЛЕЛОТТ — Где правда? <i>Положительное содержание относительных истин и их связь с абсолютной истиной.</i> 80 стр. Б 1962.	20
<i>Того же</i> — Перспективы (для молодежи). <i>Жизнь в ее многообразных проявлениях. Христианство расширяет и облагораживает все эти перспективы.</i> 90 стр. Б 1962.	25
МОЛИТВЕННИК — Миром Господу помолимся. <i>С объяснениями: о богослужениях, таинствах, символе веры, заповедях Божиих и т.д. За молитвами следует объяснение трудных слов.</i> 206 стр. Б 1948.	30
МОЛИТВЕННИК для верующих латинского обряда. 160 стр. Рим	40
ПАПСКНЕ ОКРУЖНЫЕ ПОСЛАНИЯ :	
<i>Лев XIII, Пий XI, Пий XII</i> — О положении трудящихся. 114 стр. Рим 1942.	30
<i>Пий XII</i> — О мистическом Теле Христовом (Церкви), 90 стр. Рим 1943.	35
<i>Пий XII</i> — Апостольское послание народам России. 24 стр. Рим 1952.	10
<i>Пий XII</i> — Рождественское радио-послание 1951 года. 26 стр. Рим 1952.	10
<i>Иоанн XXIII</i> — Мать и наставница. <i>О новом развитии социального вопроса в свете христианского учения.</i> Рим 1962, 78 стр.	40
<i>Иоанн XXIII</i> — Вечная Премудрость Божия (к полуторастолетию кончины св.Льва Великого.) 24 стр. 1962.	15
<i>Иоанн XXIII</i> — Мир на земле. 24 стр. Рим 1963.	30
ПОВЕСТЬ О ФАТИМЕ — величайшем чуде нашего времени. <i>Вней описываются явления Божией Матери в 1917 г. Второе, дополн. изд. со свидетельствами бывших безбожников.</i> 128 стр. Б 1962.	30
СМЕРТИ НЕТ (4-ое изд.) — христианское понимание смерти. <i>Особенно рекомендуется тяжело скорбящим о смерти близких.</i> 74 стр. Б 1954.	30
ВЛ. СОЛОВЬЕВ — Русская идея. 32 стр. Б 1964.	25
П.ТИВОЛЬЕ — Современная молодежь обсуждает самый важный вопрос: Христос — Бог или человек? 24 стр. Б 1963.	20
С.ТЫШКЕВИЧ — Нерасторжимость христианского брака. 56 стр. Н.Йорк 1955.	20
<i>Того же</i> — Наставления Тихона Задонского по социальному вопросу, 38 стр. Рим 1955.	30
<i>Того же</i> — Наставления о Св.Евхаристии с акафистом. 110 стр. Н.Йорк 1955.	35
<i>Того же</i> — Единство Церкви и Византия, 140 стр. Рим 1951,	55

С. ТЫШКЕВИЧ — Католичество (<i>краткий обзор</i>). 72 стр. Рим 1950.	20
" — Почему католики дорожат папством? 36 стр. Н.Йорк 1961.	15
" — Дон Боско, друг беспризорных. 52 стр. Рим 1951.	20
" — О молитве (<i>наставл. отцов Церкви и русских подвижн.</i>), 80 стр. Рим 1944.	10
<i>Того же</i> — Краткие наставления преп. Иоанна Лествичника, 64 стр. Н.Йорк 1959.	20
Иером. ХРИЗОСТОМ — Возможно ли восстановление единства между католической и православной Церковью? 46 стр. Н.Йорк 1958.	20
<i>Того же</i> — Вселенский Собор. Слово Папы Иоанна XXIII при открытии 1-ой сессии II-го Ватикан. Собора. 40 стр. Б 1963.	15
<i>Того же</i> — Вселенский Собор и папство. 32 стр. Н.Йорк 1958.	15
<i>Того же</i> — О первенстве св. Ап. Петра в понимании св. Иоанна Златоуста. 24 стр. Б 1962.	20
ПОВЕСТЬ ДРЕВНЯЯ, НО ВЕЧНО НОВАЯ (<i>жизнь св. Августина и его матери св. Моники</i>), 46 стр. Б 1955.	30
С. ФРАНК — Религия и наука. Автор ясными и сильными аргументами разрушает несостоятельные утверждения о несовместимости религии и науки. 28 стр. Б 1953.	25
Б. ШИРЯЕВ — Религиозные мотивы в русской поэзии. В дополнение к брошюре В. Ильина автор в легком и красочном стиле анализирует религиозные мотивы в творчестве Хомякова, Есенина, Блока, Гумилева, Пастернака и др. 80 стр. Б 1960.	35
ЖУРНАЛЫ —	
— <i>Россия и Вселенская Церковь</i> (1951-1970). Комплекты прошлых лет — за год	100
— <i>Жизнь с Богом</i> . №№ приуроченные к праздникам, об историчности Христа, о смысле страданий и т.д. до 1965 г. Номер	10
— <i>Логос</i> . 4 №№ в год	120
ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ (ежегодный)	25
ЛИСТОВКИ — на актуальные религ. темы (комплекты — 35 лист.)	50
БИБЛИЯ В КАРТИНКАХ (для детей) богато иллюстр., 96 стр. 1970	100

* * *

В 1972 г. должны выйти:

1. *Словарь Библейского Богословия* под ред. К. Леон-Дюфура
2. *Библия*. Текст с введением и приложениями